

УДК 140+168+330.8

Владимир Максевич Ефимов

доктор экономических наук
независимый исследователь, Франция
E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

КАК КАПИТАЛИЗМ, УНИВЕРСИТЕТ И МАТЕМАТИКА СФОРМИРОВАЛИ МАГИСТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Статья посвящена истории становления магистральное направления экономической дисциплины. Автор показывает, что в этом становлении решающую роль играли деловые круги, заинтересованные не в той научной экономической дисциплине, которая бы исследовала экономическую реальность, а в отражающей идеологию, выгодную этим кругам. Если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании, то в истории экономических учений можно обнаружить только несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. На протяжении всего XX в. преподаваемая в университетах экономическая дисциплина выполняла исключительно идеологическую функцию обоснования и поддержания существующего общественного порядка: в СССР – советского, на Западе – рыночного. После падения советского порядка, проекты западной помощи России были ориентированы на смену этого порядка на рыночный и на трансформацию экономического образования по западному образцу. Образец этот предполагает обучение не реальностям рыночной экономики, а рыночному видению социальной реальности, при котором все человеческие отношения представляются как отношения обмена и купли-продажи, а сам человек как корыстолюбивый и коварный. В статье показывается как версия экономической дисциплины, которая преподавается сейчас в российских университетах, была первоначально сформирована во Франции, Великобритании и США.

Ключевые слова: Буагильбер, Кенэ, Руссо, Смит, Шмоллер, Маршалл, Коммонс, Дебре.

Последние два десятилетия английское слово *economics* переводят на русский язык «экономическая теория», имея в виду при этом неоклассическую экономическую теорию, нередко курс экономической теории называется также «микроэкономика». Россия, наверное, – мировой чемпион по количеству самых разных учебников, посвященных курсам «экономической теории», «институциональной экономики» и «истории экономических учений». Анализируя эти издания, неизбежно приходишь к заключению об их практически полном идейном единстве. В результате такого единства, которое только можно наблюдать в учебниках по естественнонаучным дисциплинам, создается иллюзия, что излагаемое является объективным и в главном единственно возможным отражением реальности («экономическая теория» и «институциональная экономика»), а также объективным и в главном единственно возможным отражением развития

представлений об этой реальности («история экономических учений»). При этом курсы по истории экономических учений служат легитимизации курсов экономической теории и институциональной экономики. Данная работа, посвященная альтернативному видению истории экономических учений, является попыткой оспорить эту легитимизацию.

Известный американский историк экономических учений Роберт Хайлбронер отмечал, что вклад современного экономикс в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден [54, с. 53]. «Но если, – продолжает он, – экономическая теория настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична» [54, с. 53]. Именно в таком виде, как считает Хайлбронер, она может рассчитывать на особую благосклонность существующего общественного порядка, выполняя поддерживающую его идеологическую функцию [54, с. 53]. По его мнению, экономикс представляет собой идеологическую систему, назначение которой заключается в том, «чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчиненных элементов» действующих в рамках существующего социального порядка [54, с. 53-54]. Хайлбронер уточняет, что в этой своей идеологической функции экономикс вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [85, р. 7-8].

Российские курсы институциональной экономики основаны на курсах экономической теории (экономикс) и развивают ее. Совсем по-другому видели институциональную экономику ее основатели. Так, Уолтон Гамильтон, который охарактеризовал это направление в 1918 г. на заседании Американской экономической ассоциации, заявил, что «история экономической дисциплины указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [10, с. 117]. Гамильтон оказался прав, исходная институциональная экономика не выжила, но не только и не столько из-за несоответствия привычкам мышления своего времени, сколько из-за того, что «господствующие элементы» существующего в США сто лет тому назад социального порядка были заинтересованы в том, чтобы экономисты были вовлечены в вуалирование этого порядка, а не в его изучение. Это же положение сохраняется и сейчас.

Четыре лица экономической мысли. Историкам экономических учений нужно четко отдавать себе отчет в том, что экономическая мысль

существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия. Если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании [27; 90; 91; 95], то в истории экономических учений можно обнаружить несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. Значительная часть этого «моря» состоит из того, что Густав Шмоллер более ста лет тому назад называл «индивидуалистической (Адама Смита) и социалистической (Карла Маркса) национальной экономией». Обе, по его мнению, как и философия XVIII в. и первой половины XIX в., переоценивали наши возможности абстрактного познания, пытаясь вывести из абстрактной человеческой природы полную объективную систему действующей экономики, причем сделать это «одним прыжком», без подробного изучения действительности, без опоры на психологию, без предварительного полного изучения права и экономической истории. Обе, как он считал, являются идеологиями [112, s. 191-192], которые основывались на развиваемых Смитом и Марксом философиях. Наверное, Россия является страной, которая в XX в. пострадала от экономических учений, ставших идеологией больше, чем какая бы ни было другая. В начале века, основываясь на марксовской теории эксплуатации и классовой борьбы, находящих свое обоснование в экономической теории прибавочной ценности/стоимости, большевики погрузили страну в хаос, чекистский террор по отношению к буржуазии и их «прихвостням» (интеллигенции), а также по отношению к крестьянам с их превращением в государственных крепостных. В конце века, основываясь на неолиберальной идеологии, «научным» обоснованием которой является неоклассическая экономическая теория, «реформаторы» погрузили страну в хаос, разрушение экономического и научно-технического потенциала России, бандитский террор и ограбление страны горсткой приближенных к власти олигархов.

Английский экономист Джеффри Ходжсон в книге «Экономика (economics) и утопия. Обучающаяся экономика (economy) не есть конец истории» [86] определяет утопию как социально-экономическую реальность, которая, с одной стороны, не существует, но, с другой стороны, существование ее объявляется кем-то желательным [86, p. 4]. Так определяемое понятие утопии не сводится только к утопическому социализму, а может быть применено к любому проекту социально-политико-экономического устройства, кем-либо предложенному. Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок также является утопией, в разработку которой внесли вклад большое количество экономистов, и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом [42]. Россияне на протяжении 70 лет испытывали на себе попытку реализации марксистской коммунистической утопии, и уже более 20 лет российская элита следует в своей деятельности канонам утопического капитализма. Граждане России в своем большинстве разочаровались как в одной, так и в другой из этих утопий. Нужно признать, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. Отно-

сительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: навык в преподавании утопий у преподавателей политической экономии уже был, а какую утопию преподавать – это уже второй вопрос.

Вышесказанное не означает вредности или бесполезности идеологий и утопий, и те и другие играют важные роли в функционировании и эволюции общества. По существу любая система социального контроля покоится на определенной идеологической работе предназначенной легитимизировать ее притязания на власть [107, р. 57]. Утопия является необходимым дополнением идеологии, «если идеология сохраняет и поддерживает реальность, утопия по существу ставит ее под сомнение. Утопия в этом смысле является выражением полного потенциала группы, которая рассматривает себя подавленной в рамках существующего порядка. Утопия это «упражнение воображения думать иначе», ее функция всегда состоит в том, чтобы предложить альтернативное общество [107, р. 61].

Интересно отметить, что первые экономисты занимались наукой как исследовательской практикой для получения знаний о реальности, а не построением идеологий и утопий. Антуан де Монкретьен, назвавший свою книгу, впервые опубликованную в 1615 г., «Трактат политической экономии» [98], обычно упоминается в учебниках по истории экономических учений лишь как автор термина «политическая экономия». Содержание трактата никогда не анализируется, видимо потому, что не считается очень научным, так как содержит не дедуктивно построенные теории с соответствующими предпосылками и выводами, а описание экономики Франции начала XVII в. Если этот критерий применить к современному естествознанию, не говоря уже о такой общественной науке, как социология, то абсолютному большинству современных исследований нужно будет отказать в статусе научности. Важнейшим элементом любого научного исследования является описание, однако в среде экономистов слово «описательность» рассматривается чуть ли не как антоним слова «научность».

Антрополог Клиффорд Гирц ввел понятие «насыщенного описания» [11], которое содержит как собранные данные, так и их анализ. Сформированный таким образом текст дает понимание изучаемого объекта и аутсайдеру. Социолог Брюно Латур говорит, что социологическая исследовательская деятельность состоит в описаниях. По его мнению, хорошее исследование всегда связано с большим объемом описаний. При этом хорошее описание для своего понимания внешним читателем не должно требовать никаких дополнительных объяснений. По мнению Латура, сформированный исследователем в результате контактов с акторами и изучения документов текст является «функциональным эквивалентом лаборатории», «местом для испытаний, экспериментов и моделирования» [93, р. 146-149]. Характеристика текста, таким образом сформированного, как функционального эквивалента лаборатории, вполне правомерна, так как этот текст является отражением экспериментальной ситуации в которую был погружен исследователь.

Зарождающийся капитализм и старт его исследований. Во второй половине XVII в. два основателя экономической науки, Уильям Петти и Пьер Буагильбер, проводили действительно научные исследования. Петти был членом и одним из основателей Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (Royal Society of London for Improving Natural Knowledge), основанного в 1662 г. Именно этим обществом, председателем которого в течение многих лет был Исаак Ньютон, заложены стандарты научных исследований в области естествознания, благодаря которым кардинальным образом изменилось материальное положение человечества. Стандарты состояли не в применении математики, а в организации экспериментальных ситуаций, где исследователь взаимодействовал с объектом исследования, сборе данных генерируемых в рамках данных ситуаций, разработке детальных отчетов на основании этих данных и коллективной оценке полученных результатов. Петти хорошо знал такую практику научных исследований, важнейшей чертой которых является контакт исследователя с объектом исследования. На основании принятого подхода он провел детальное исследование институтов и ресурсов Ирландии. Эти исследования описаны им в его книге «Политическая анатомия Ирландии» (1672) [37, с. 90-153]. Указывая на тот факт, что Петти был пронизан стандартами Лондонского королевского общества, российский биограф экономистов прошлого подчеркивает, что «многие его работы и напоминают «отчеты об опытах». Правило это не мешало бы, впрочем, знать и руководствоваться им также современным экономистам и представителям других общественных наук» [2, с. 69].

Следует также сказать, что изучение деталей является важнейшей частью исследовательских практик. Книга француза Пьера Буагильбера, которая была опубликована в 1695 г., так и называлась «Le Détail de la France, la cause de la diminution de ses biens et la facilité du remède en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin et enrichissant tout le monde» [62] или по-русски «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население». Проводил он свои исследования на основе включенного наблюдения, то есть непосредственного участия в наблюдаемых процессах, занимаясь торговлей и сельским хозяйством, а также на основе бесед с участниками экономических процессов. В одном из писем Буагильбер писал, что он занимается изучением практики во всех ее деталях и получением знания обо всех регионах королевства [84, р. 146]. Так, «постоянно объезжая сельскую местность в поисках информации, он расспрашивал встретившихся на его пути пахарей, а в городе Руане беседовал с богатыми негодьями и капиталистами [84, р. 154]. Его книгу можно вполне охарактеризовать как «насыщенное описание».

Буагильбер первым сформулировал основное либеральное предложение в терминах экономики [79, р. 11-12]. Доктрина *laissez-faire* родилась на базе объективного анализа практик раннего капитализма, которые по-

стоянно наталкивались на многочисленные препятствия. Естественным выводом из анализа была необходимость устранения этих препятствий. Буагильбер не мог себе представить возможность создания полностью новой системы регулирования экономики и поэтому считал, что необходимо просто устранить любое регулирование [79, р. 91]. Полвека спустя Анн Робер Жак Тюрго в своей работе «Похвальное слово Венсану де Гурнэ» сформулировал еще раз эту же идею также на основе эмпирических исследований своего друга: «Г. де Гурнэ считал, что всякий гражданин, который работает, заслуживает признательность общества. Он был удивлен, увидев, что гражданин не мог ни производить что-либо, ни продать, не купив на это права путем вступления в какое-нибудь объединение, и что после приобретения этого права путем больших затрат приходилось еще иногда провести целое расследование, чтобы узнать, получил ли он, вступив в то или иное объединение, право продавать или производить именно ту или иную вещь ... Он не представлял себе, что в королевстве под властью одного и того же государя каждая провинция, каждый город смотрели друг на друга как на врагов, присваивали себе право запрещать работать в своих пределах французам, обозначаемым словом чужаки, противодействовать продаже и свободному провозу товаров соседней провинции и бороться таким образом во имя ничтожных интересов против общего интереса государства и прочее, и прочее» [50, с. 65-67].

Монкретьен и Буагильбер не были даже включены Марком Блаугом в число ста великих экономистов до Кейнса [8]. Историки экономической мысли ищут в произведениях этих авторов не знания относительно экономик прошлых веков, а доктрины, которые были бы связаны с таковыми существующими в настоящее время. Так, Жильбер Факарелло, анализируя произведения Буагильбера, интересовался исключительно его ролью автора доктрины «laissez faire» [78; 79]. Другой автор, многие положения книги которого перекочевали в учебники истории экономической мысли, охарактеризовал Буагильбера как автора не только «laissez faire», но и сформулировавшего идеи о связи ценности/стоимости и цены, земельной ренте, экономическом равновесии и создавшего «прототип» будущей знаменитой книги Адама Смита «Богатство народов» [121].

В ловушке ньютоновской механики. Важнейшие мировоззренческие стандарты, в соответствии с которыми функционирует современная экономическая дисциплина, были заложены французской школой физиократов возглавляемой Франсуа Кенэ (1694–1774). В учебнике по истории экономических учений Высшей школы экономики центральная идея, заложенная в основу этой школы, название которой происходит от греческого «физиократия» (то есть власть природы), трактуется неверно. Таковой была не «идея о природной силе земли как главном богатстве народов» [1, с. 53], а идея о естественных (природных) законах, которые управляют как природой, так и обществом. Придворный врач французского королевского двора Франсуа Кенэ, в отличие от Буагильбера, никогда не проводил исследований путем контактов с экономическими акторами, построения его были

чисто умозрительными. Приступив к написанию своих экономических трудов в возрасте старше 60 лет, он основывался при этом на своих знаниях врача относительно функционирования человеческого организма (экономика как организм: товары и деньги как кровь в социальном организме) и на своей вере в существование универсальных экономических законов, аналогичных закону всемирного тяготения, сформулированного Ньютоном.

Физиократы называли себя «экономистами» и первыми стали использовать термин «экономическая наука», которая, по их мнению, должна заниматься исследованием экономических законов, сформулированных в виде количественных моделей [75, р. 71]. В своей трактовке проблематики «естественных законов» автор следовал логике положений этой статьи канадского историка экономических учений Жилия Досталера. Речь в них шла об экономике как математической науке наподобие ньютоновской физике. Важной задачей была также популяризация выражения *«laissez-faire»*, так как экономический либерализм и вера в естественное функционирование экономики всегда тесно связаны друг с другом. В статье «Наблюдения за естественным правом людей, объединенных в общество» Кенэ утверждал, что люди должны подчиняться физическим и моральным законам, которые являются естественными законами, установленными Всевышним. Так же как для успешной навигации нужно наблюдать и точно вычислять движения небесных тел, так и для наилучшего управления собой и другими необходимо следовать соответствующим естественным законам, которые состоят в поддержании естественного порядка. Нарушения естественных законов являются самыми обычными и распространенными причинами даже физической боли. Физическую и моральную боль может вызвать также плохое использование свободы людей. Человек должен разумно использовать свою свободу, следуя справедливым и совершенным естественным законам, которые были созданы их Автором. Человек наделен разумом для того, чтобы наблюдать и познавать эти законы для наиболее выгодного их использования для себя. Важно отметить, что для Кенэ экономические законы выражают скорее материальные потоки, а не взаимодействия людей: основа общества, по его мнению, это – жизнеобеспечение людей, и только невежество может вызвать введение законов, противоречащих порядку ежегодного регулярного воспроизводства и распределения богатств территории королевства [105]. Последователь Кенэ – Пьер-Самуэль Дюпон пошел еще дальше в интерпретации идей своего учителя. Он утверждал, что экономическая жизнь регулируется законами такими же определенными, как и законы физики, законами, которые открыл для себя Кенэ. Для него экономическая таблица Кенэ, устанавливающая материальные и стоимостные пропорции национальной экономики, превратила экономику в точную науку, законы которой являются такими же строгими и неоспоримыми, как и законы геометрии и алгебры.

У современников Кенэ, которые занимались изучением реальных экономических проблем, а не построением абстрактных схем, его идеи вызвали резкий протест. Среди них был итальянец Фернандо Гальяни,

который в своей книге «Диалоги о хлебной торговле» [83], опубликованной в 1770 г., критикует физиократическую веру в свободную торговлю хлебом не столько вообще, сколько исторически, как политику, которая была неблагоприятной во Франции его времени [8, с. 78]. В этой книге он подверг сокрушающей критике идею о том, что можно теоретически вывести универсальные законы, касающиеся человеческих дел, и указывал на опасности вывода политических заключений из универсальных абстракций. Динамический характер и неопределенность, характерные для человеческих дел, могут, как он считал, свести на нет самые замечательно сформулированные законы. По его мнению, сплав естественных и социальных наук недопустим. Фердинандо Галиани всю свою жизнь питал нелюбовь к картезианскому рационализму – попытке выводить вечные истины, верные для всех эпох и всех мест, исключительно из силы разума и нескольких априорных постулатов. Вместо этого он обращался к эволюционному развитию общества, из которого могут быть выведены только исторически относительные истины [8, с. 77].

Другой современник Кенэ, шотландец Джеймс Стюарт, опубликовал книгу «Принципы исследования политической экономии» [118], в которой также резко критиковал его идеи, вывод которых, по его мнению, был осуществлен недостаточно серьезно. При определении политической экономии Джеймс Стюарт ссылается на исходное значение этого греческого слова: экономия – есть искусство осторожного и бережного удовлетворения нужд семьи. И если экономика действует в семье, то политическая экономия – в государстве. Великое искусство политической экономии состоит прежде всего в том, чтобы приспособить различные ее операции к духу, манерам, привычкам и обычаям народа, затем повлиять на эти обстоятельства таким образом, чтобы быть в состоянии ввести множество новых и более полезных институтов. Следующее утверждение из того же сочинения 1767 г. было бы полезно воспринять тем, кто проводил экономические преобразования в России в 1990-е гг.: если рассмотреть разнообразие, которое может быть найдено в разных странах в области распределения собственности, субординации классов, одаренности народа, процедур различных форм правления, законов, климата и манер, то можно заключить, что политическая экономия в каждой стране должна различаться и что как бы универсальны не были принципы, на практике они могут стать неэффективными без достаточной подготовки духа народа.

Выше уже отмечалось: то, что объединяет исследовательские практики в естествознании с теми, которые должны иметь место в социальных науках, это – необходимость контакта исследователя с объектом исследования и реакция, ощущаемая исследователем при этом контакте. Но далее эти практики расходятся. Экономисты, кроме Буагильбера и школ Густава Шмоллера и Джона Коммонса [18; 31; 32], имели в качестве образца ньютоновскую физику [15, с. 27]. В частности, применение математики основывается на видении мира как совокупности вещей или явлений, находящихся во времени и пространстве, между которыми существуют причин-

но-следственные связи. Буагильбер, Шмоллер и Коммонс проводили исследования совсем по-другому. Социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что члены каждого сообщества следуют в своем поведении правилам, принятым в этом сообществе, которые отражаются в их дискурсах. На обнаружение этих правил через изучение речевых актов и на выявление определяемых ими регулярностей должно быть направлено исследование. Это становится возможным потому, что правила эти, вместе с сопровождающими их убеждениями в их правомерности, выражаются именно в речевых актах. И правила, и убеждения, их обосновывающие, хранятся и воспроизводятся членами сообщества в виде историй, сюжетные линии которых исследователь может выявить вместе с правилами через анализ речевых актов [15, с. 28-29; см. также: 102].

Личный интерес, ограниченный личной ответственностью. Жан-Жак Руссо (1712–1778) был, наверное, одним из первых, кто видел социальный мир не как мир естественный, созданный Богом, а как мир искусственный, созданный людьми. За десять лет до публикации «Богатства народов» в своей статье «О политической экономии» [44, с. 109-141] он предложил альтернативное физиократам и Смиту видение политической экономии. Многие историки экономических учений, начиная с Шумпетера, в своих трудах полностью игнорировали Руссо. Французский историк экономической мысли Анри Дэни в своем влиятельном во Франции учебнике посвятил Руссо очень короткую главу [74, р. 245-254] в разделе, посвященном первым конструкторам социалистической доктрины. Однако последние годы Руссо все больше и больше привлекает к себе внимание историков как автор такой версии политической экономии, которая противопоставляется версии Смита [117; 104; 106; 88; 103].

Руссо может рассматриваться нами как первый институционалист. Он был осведомлен об идеях физиократов и предложил в противовес им свою собственную концепцию экономики, тесно связанную с моралью и политикой [117, р. 238]. Можно выделить три пункта расхождения его версии политической экономии с политической экономией физиократов. Центральным пунктом расхождения между этими двумя версиями Руссо считал то, что гармония в обществе не возникает сама по себе исходя из некоторых законов природы; человеческие дела регулируются человеческими законами, и только сами люди могут создавать эти законы [88, р. 75]. Вторым основным пунктом расхождения является то, что он отказывается основывать свою политическую философию на экономическом дискурсе своего времени, и отказ этот строится на главенстве, которое он предоставляет в ней справедливости [88, р. 74]. Наконец третьим важным пунктом Руссо в этой области является мнение, в соответствии с которым любая экономическая тема должна трактоваться и обсуждаться гражданами на политической арене, а не философами независимо от мнения граждан. Скорее всего Руссо предвосхитил здесь идеи Джона Дьюна [88, р. 75].

Все вышеуказанные пункты доктрины Руссо связаны между собой. Физиократическая доктрина, ставшая по существу доктриной существ-

вующей сейчас экономической дисциплины, предполагает, что политический порядок должен основываться на спонтанной и естественной гармонии, создаваемой экономическими деятельностями, направляемыми свободно играющими на рынке интересами. Это означает, что политическая дискуссия становится дискуссией относительно эффективности экономических политик проводимых экспертами способными управлять организацией коллективной жизни в соответствии с предписаниями естественного порядка, так как (следуя идеям распространяемым экономистами) только эксперты могут дать арифметический ответ на все проблемы социальной и политической философии [88, р. 79]. Руссо рассматривает этот тип политической теории как неприемлемый. По Руссо, такая теория не только игнорирует искусственные элементы общества, но и что еще важнее она исключает всякую личную ответственность. Эта идея является главной в понимании неприятия им анализа физиократов. Учение физиократов содержит проект социальной организации на основе правительства, которое чтит естественный порядок. В этом смысле данное учение представляется реализацией естественного права и оправданием легального деспотизма [88, р. 79-80].

В противовес физиократам Руссо считает, что управление богатством не может ограничиться только воспроизводством материальных условий жизни. Оно должно заниматься также построением основ общественной справедливости [88, р. 82-83]. Руссо провозглашает, что справедливость – это фундамент всякого человеческого общества. Политическая экономия, берущая свое начало у физиократов, представляет собой дискурс относительно экономической эффективности, которая не эквивалентна справедливости. По Руссо, только политическая воля, действующая на базе экономической организации, при которой экономические и моральные отношения соединяются, может обеспечить соблюдение справедливости [88, р. 85]. Ответственность выражается у Руссо через понятие обязанностей: «С первой минуты жизни надо учиться быть достойными жить, и подобно тому, как, рождаясь, мы уже приобретаем права граждан, так миг нашего рождения должен быть и началом отправления наших обязанностей» [44, с. 126]. «Но когда граждане любят свои обязанности, а блюстители публичной власти искренне стараются поощрять эту любовь своим примером и заботами, все трудности исчезают» [44, с. 120].

Актуальность такого понимания экономических отношений стала особенно очевидной в связи с наступлением экономического кризиса. В своей недавно вышедшей книге «Цена цивилизации» американский экономист Джеффри Сакс утверждает, что «в основе экономического кризиса, переживаемого Америкой, лежит моральный кризис: упадок гражданской добродетели среди американской политической и экономической элиты» [45, с. 11]. В 1990-е гг. он активно участвовал в навязывании России политики экономических преобразований, основанной на магистральной экономической теории, которая игнорирует понятие социальной ответственности. Сейчас Сакс утверждает, что «без возрождения духа социальной

ответственности осмысление и устойчивое восстановление экономики невозможно» [45, с. 11]. Он пишет: «Американское общество стало жестким, агрессивным, а элиты Уолл-стрит, нефтяные магнаты и ведущие политики в Вашингтоне проявляют самую высокую степень безответственности и эгоистичности. Когда мы поймем этот объективный факт, мы сможем приступить к реформатированию нашей экономики» [45, с. 18, 19].

Конечно, Руссо понимал ответственность не как просто принятие на себя груза последствий своих действий, например отбывание срока тюремного заключения. Он считал важным другое: имеет ли для нас значение и если имеет то насколько, выполнение наших обязанностей, исполнение нашего долга. Этика ответственности требует размышления и понимания, а не механического соответствия норме. Наряду с обязательствами, ответственность обращается к идеалам. Наравне с правилами она апеллирует к ценностям. Быть действительно ответственным означает быть движимым долгом и беспокойством за других, а не только опасением правовых санкций [113, р. 29-30]. Следующая мысль из статьи Руссо «О политической экономии» сегодня очень актуальна: «Тот, кто не боится угрызений совести, не убоится и пыток – кары менее страшной, менее длительной и такой, которую по крайней мере можно надеяться избежать; и какие бы предосторожности не были приняты, – те, кому, чтобы творить зло, нужна лишь безнаказанность, едва ли не найдут способов обойти Закон и уйти от наказания. Тогда, поскольку все частные интересы объединяются против общего интереса, который не является больше интересом кого-либо в отдельности, все пороки общества, чтобы ослабить законы, приобретают силу большую, чем законы, чтобы уничтожить пороки; и разложение народа и правителей захватывает в конце концов и Правительство, сколь мудрым оно бы ни было. Худшее из всех зол состоит в том, что законам подчиняются, по-видимому, лишь для того, чтобы на деле с большей уверенностью их нарушать» [44, с. 119-121].

Теологическая трансформация одной басни. Следует разобраться с той самой идеологической системой, носителем которой, по словам Роберта Хайлбронера, является экономикс. Вот некоторые выдержки из «Богатства народов» Адама Смита, отражающие эту систему: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [46, с. 28]. «Каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается таким образом в торговое общество» [46, с. 33]. «Он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким обра-

зом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них» [46, с. 332].

Доминирование в обществе мировоззрения, основанного на видении торговцев, способствует его разрушению, так как координация в обществе обеспечивается не только и не столько столкновением интересов, сколько формальными и неформальными правилами, тесно связанными с моралью, которая является очень важной частью механизма социального регулирования человеческого поведения. Основополагающие элементы морали каждый индивид осваивает в молодости, в том числе во время учебы. Известный американский психолог Лоуренс Кольберг с 1955 г. по 1977 г. проводил экспериментальные исследования по выявлению закономерностей в моральном развитии молодых американцев. Результатом его исследований стала теория шести стадий морального развития. По свидетельству Кольберга, две низшие из шести, то есть первая и вторая стадии морального развития, характерны для большинства детей в возрасте до девяти лет, для многих подростков и некоторых преступников [87, р. 116]. Но этот уровень является также наивысшим уровнем морального развития «экономического человека» [87; см. более подробно: 17].

Элементы этой идеологической системы Смит заимствовал у Кенэ и Тюрго, с которыми лично познакомился во время пребывания во Франции. Однако для него более важным источником вдохновения был труд его современника, голландца по рождению, проживавшего в Англии, Бернарда Мандевиля, «Басня о пчелах» [33]. Марк Блауг, который включил Мандевиля в сто великих экономистов до Кейнса, подтверждает, что «Басня о пчелах» повлияла на Смита, который «принял основу доктрины Мандевиля о непреднамеренных социальных последствиях, хотя в основном отверг ее форму» [8, с. 199]. Даже термин «разделение труда» Смит заимствовал у Мандевиля. Большой российский знаток жизни и творчества Смита А.В. Аникин пишет по этому поводу: «Мандевиль оказал большое влияние на развитие английской политической экономии, прежде всего на Смита и Мальтуса (хотя на словах оба забавным образом отреклись от него, как от грубого циника). Это влияние идет не по линии разработки основных категорий (стоимость, капитал, прибыль и т.д.), а больше по коренной философской позиции, которая легла в основу классической школы. Главный парадокс Мандевиля содержится во фразе «частные пороки – общественные выгоды». Поставьте вместо пороков (vices) знамени-

тый Смитов *self-interest* (своекорыстный интерес), и вы получите коренное представление Смита о буржуазном обществе: если предоставить каждому индивиду разумно преследовать свой интерес, свою выгоду, то это будет способствовать богатству и процветанию всего общества. Смит так критиковал Мандевилля в своей книге «Теория нравственных чувств»: автор «Басни о пчелах» неправ лишь в том, что он всякое эгоистическое устремление и действие называет «пороком». Корыстолюбие, скажем, вовсе не порок» [2, с. 122].

Книга «Богатство народов» Адама Смита получила такое огромное влияние *только потому*, что удачно выразила идеологическую систему, в которой были заинтересованы «господствующие элементы» капиталистического общественного порядка, *в принятой в то время форме моральной и политической философии преподаваемой в университетах*. Сам Адам Смит читал курс нравственной философии в Университете Глазго, однако он не оставил нам текста своих лекций. Что из себя представлял курс нравственной философии в Великобритании того времени, можно увидеть, читая учебник 1785 г. Уильяма Пейли «*Principles of Moral and Political Philosophy*» («Принципы нравственной и политической философии») [101]. Уильям Пейли (1743–1805) преподавал в Кембриджском университете курс по Новому Завету, а также курс нравственной философии, который и послужил основой для написания учебника. Пейли известен прежде всего как теолог. В своей книге «*Natural Theology*» («Натуральная теология», или «Естественное богословие», 1802 г.) [100] он утверждал, что подобно тому, как сложный часовой механизм предполагает существование создавшего его часовщика, так организованность и целесообразность, царящие в мире, подтверждают существование великого Творца – Бога. В своих «Принципах нравственной и политической философии» Пейли по существу применяет тот же подход и к этике, юриспруденции и политической экономии. В центре его дедуктивных конструкций стоят Бог и гипотеза о том, что после смерти каждый будет наказан или вознагражден в соответствии с тем, как вел себя в этой жизни. Кейнс назвал Пейли «первым кембриджским экономистом» [89, р. 91].

Тонкий знаток истории экономической мысли и экономической истории Роберт Хайлбронер иронизирует по поводу основной идеи «Богатства народов»: «Если общественная жизнь Англии конца XVIII века и наводила на какие-либо мысли, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели» [53, с. 52]. «Богатство народов», как известно, не единственное сочинение Смита. За 17 лет до публикации этого главного произведения в свет выходит его книга под названием «Теория нравственных чувств» [47]. Благодаря Шумпетеру абсолютно разное видение человека в этих двух произведениях Смита получило название «проблема Адама Смита» («*Das Adam-Smith-Problem*»). В ранней книге Смит человек наделен моралью; если он и стремится к богатству, то не столько для повышения своего благосостояния, сколько для того, чтобы быть признанным другими членами общества, что совсем не похоже на экономиче-

ского человека «Богатства народов». Задолго до Шумпетера французский мыслитель конца XIX – начала XX в., Габриэль Тард в своей книге «Экономическая психология» формулирует проблему Адама Смита. Состоит она, по его мнению, в том, «какую малую роль играет психология в экономических писаниях Смита, а также полное отсутствие в них коллективной психологии. Однако именно Смит первым изучал *симпатию* как источник и основу межумственной психологии. Как же случилось так, что он не почувствовал ни необходимости, ни возможности использования своих тонких замечаний, которые делал относительно взаимного стимулирования чувствительности одних другими для объяснения экономических отношений людей?» [119, р. 135]. В этой же работе Тард предлагает свое теологическое решение проблемы Адама Смита. Можно понять, считает он, «что человек, так расположенный видеть божественного художника за картиной человеческих событий и божественную мудрость за любым человеческим безумием, мог без всякой горечи смотреть на эгоизм и себялюбие как на качества наделенных священной функцией создавать и укреплять социальную гармонию. Когда Смит основывал всю политическую экономию на этом принципе и сводил *экономического человека* к интересу, абстрагируясь от всякого чувства привязанности и самоотверженности, для него это было не результатом эпикурейской и материалистической концепций, а естественным следствием его набожности и веры в Бога. За человеком-эгоистом стоял благодетельный Бог, и апология эгоизма первого была не чем иным, как гимном в прозе бесконечной доброте второго» [119, р. 137; цит. по: 94, р. 113-114]. Это и стояло за концепцией «невидимой руки» Смита, а его последователи просто негласно заменили богом-рынком предполагаемого Бога.

Профессор экономики Манитобского университета Энтони Уотерман считает, что на протяжении XVIII в. «Богатство народов» читали студенты Кембриджского университета скорее как «Натуральную теологию», а не как ньютоновские «Математические начала натуральной философии». Проведя дискурсивный анализ «Богатства народов», он констатирует, что термин «природа» и производные от него слова используются Смитом аналогично тому, как в традиционных теологических текстах применяются слова «Бог» и «божественные законы» [122, р. 88-106]. Если поставить перед собой задачу кратко охарактеризовать светскую религию, которой служит современная западная экономическая наука, то это можно было бы сделать, наверное, следующим образом: Богом в этой религии, безусловно, выступает Рынок. В соответствии с ней Рынок, с одной стороны, обеспечивает наивысшее материальное благосостояние общества, а с другой – служит гарантом свободы и демократии. Законы рынка представляют собой слово Божье, и игнорирование их людьми неизбежно приводит к Его гневу с соответствующими негативными для них последствиями (кара Божья). Метафора «закон», взятая из юридической и религиозной практики, активно и до недавнего времени вполне успешно использовалась в естествознании. Природа рассматривалась как монарх или как Бог, кото-

рые диктуют свои законы. Метафора была плодотворна до тех пор, пока системы, изучаемые науками о природе, были достаточно простыми. Применение этой метафоры в общественных науках, в том числе и в экономической, с самого начала плодотворным не было. Она вводила исследователей от реальности, ложно ориентируя их внимание. Бессознательно или осознанно, но и Адам Смит в «Богатстве народов», и Иосиф Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» апеллировали к понятию экономических законов независимых от воли людей не столько по причине следования естественнонаучной традиции, сколько прежде всего с целью убедить читателя в естественности и неизбежности проповедуемого каждым из них определенного общественного порядка.

Гэри Беккер пытается убедить нас, что бог-рынок присутствует и управляет во всех сферах нашей жизни, включая политику и семью [6]. Верующие в этого бога видят не только деятельность предпринимателей как максимизаторов своих доходов, но также и ученых, писателей, художников и других представителей творческих профессий. Что касается наемных работников, то их поведение объясняется как совокупность операций обмена и потребительского выбора, максимизирующего их функции полезности. Наконец, бог-рынок не терпит вмешательства государства, по крайней мере в неоспоримую область своей компетенции, экономическую сферу, и оставляет ему роль ночного сторожа. Эта религия следует протестантской традиции, в соответствии с которой спасение достигается без помощи церкви и ее служителей. В то же время эта религия, в отличие от коммунистической, не является атеистической и терпимо относится к членству своих адептов в религиозных сообществах. Более того, протестантизм по существу хорошее дополнение рыночной религии, с чем связана одна из причин необыкновенного успеха евангелизма в современном мире.

Обычно члены сообществ академических экономистов всерьез не очень задаются вопросом о социальной полезности своей деятельности, однако бывают исключения. С этой точки зрения представляет большой интерес статья-исповедь израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна, перевод которой на русский язык был опубликован в журнале «Вопросы экономики» [43]. Недавно вышла книга, развивающая идеи этой статьи [108]. Сразу стоит заметить, что автор не является каким-то протестующим маргиналом. Это очень уважаемый международным сообществом экономистов ученый, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Статья, о которой идет речь, не что иное, как переработанная версия его президентского доклада этому обществу в 2004 г. В статье он задает вопрос: «Ради чего работают экономисты-теоретики?». И сам на него отвечает: «По сути дела мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам

экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги?» [43, с. 62].

Откровенность автора действительно не знает границ, и статья-исповедь полна всевозможных саморазоблачений: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций... Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу... Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [43, с. 79-80]. Рубинштейн пишет примерно о том же, о чем более 30 лет тому назад говорил Василий Леонтьев в своем президентском докладе Американской экономической ассоциации, характеризуя эту «модельно-басенную» ситуацию в экономической науке того времени как скандальную и бесчестную [29, с. 102-103].

Единственная разница состоит в том, что в начале 1970-х гг. Леонтьев считал эту ситуацию ненормальной и призывал ее изменить, а Рубинштейн через 30 лет, принадлежа уже к другому поколению академических экономистов, отобранных и воспитанных в соответствии с этой модельно-басенной парадигмой, судя по всему считает эту ситуацию вполне приемлемой. Вряд ли можно себе представить, чтобы такие физики-теоретики как Вернер Гейзенберг, Нильс Бор или Альберт Эйнштейн вдруг объявили, что им «почти нечего сказать о реальном мире».

Далее Рубинштейн, являющийся преподавателем микроэкономики, фактически признает идеологический характер современной экономической науки: «Я часть “машины”, которая, как я подозреваю, влияет на студентов и вырабатывает в них такой образ мыслей, который мне самому не очень-то и нравится» [43, с. 75]. Несмотря на то, что исповедующемуся экономисту-теоретику «почти нечего сказать о реальном мире», он признает, что его «экономическая теория обладает реальным воздействием»: «Я не могу игнорировать тот факт, что наша работа в качестве преподавателей и исследователей влияет на умы студентов, причем так, что мне это, повторю, не очень нравится» [43, с. 79]. По-видимому, сам факт появления этой исповеди связан именно с тем, что преподаваемая профессором Рубинштейном в качестве «теолога» «религия» ему не очень нравится.

Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? Об этом профессор экономики Мэрилендского университета Роберт Нельсон в начале своей книги, посвященной развернутому рассмотрению этого вопроса, пишет, что «экономисты думают о себе как об ученых, но... они скорее теологи. Самые близкие предшественники нынешних академических экономистов – не ученые, такие как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон. Правильнее было бы сказать, что экономисты в действительности наследники Фомы

Аквинского и Мартина Лютера» [99, р. XV]. Члены сообщества академических экономистов выполняют традиционную роль священнослужителей. Автор книги считает, что мощная религия, которую они проповедают, представляет собой светскую (мирскую) религию, правильнее сказать, некоторое множество светских религий, развитых в теориях ведущих экономических школ современности. Нельсон отмечает: «Под видом формального экономического теоретизирования экономисты читают некоторые религиозные проповеди-откровения. Правильно понятые, эти проповеди-откровения есть не что иное, как обещания истинного пути к спасению в мире – пути к новому Царствию Небесному на земле» [99, р. XX-XXI]. Судя по всему, у большей части сообщества академических экономистов такой проблемы, с которой столкнулся Ариэль Рубинштейн, не возникает. Это относится, в частности, к Сергею Гуриеву (бывшему ректору Российской школы экономики – РЭШ) [12] и Константину Сонину (бывшему проректору РЭШ, а теперь проректору Высшей школы экономики (ВШЭ)) [48], книги которых есть не что иное, как набор басен затронутых идеологией, берущей свое начало в «Басне о пчелах» Мандевилля.

Итак, Смит заложил идейные основы современного магистральное направления экономической дисциплины путем преобразования идей одной басни в соответствии со стандартами моральной и политической философии, преподаваемой в то время в университетах. Свидетельство Ариэля Рубинштейна говорит о том, что за более чем двухсотлетний период ее существования басенный генотип дисциплины, заложенный Смитом, полностью сохранился. Далее мы попытаемся разобраться, как и почему это произошло.

Социальный вопрос и французские экономисты XIX века. Каким образом классическое, а затем и неоклассическое экономическое направление стало доминирующим? Сейчас среди тех, кто вообще задумывается над этим вопросом, распространена следующая теория функционирования и эволюции профессии академических (университетских) экономистов. 1. Профессия академических (университетских) экономистов состоит из независимых исследователей-преподавателей, которые взаимодействуют друг с другом, желая убедить коллег в своей правоте. 2. Победа той или иной парадигмы исследования и преподавания происходит в том случае, когда ее представителям удается убедить большинство членов профессии в правильности своего подхода. 3. Победить какому-то подходу, парадигме удается тогда, когда их адепты могут продемонстрировать прежде неизвестные объяснения, показать новые причинно-следственные связи, предложить новую интерпретацию имеющихся данных, интерпретацию, обогащающую наше понимание происходящего в экономике на разных уровнях.

В данной статье предлагается другая теория функционирования профессии академических (университетских) экономистов. Эта теория, начальная версия которой была опубликована в [16], не априорна, а выведена автором из многолетнего включенного наблюдения в разных странах

за профессией экономистов, а также из исследований историков экономической профессии, которые работали с первичными источниками, в том числе архивными. В соответствии с этой теорией профессия академических (университетских) экономистов состоит не из независимых исследователей-преподавателей, а представляет собой социальный институт (то есть совокупность принятых в определенном сообществе, в данном случае сообществе экономистов, формальных и неформальных правил), и деятельность каждого члена сообщества академических (университетских) экономистов определена этим институтом (то есть этими правилами). Понимание внутри сообщества того, что является «убедительным», а что нет, также производно от этого института (то есть от принятых правил и убеждений, их сопровождающих). Кардинальное отличие института естественных дисциплин от института экономической дисциплины (*institution of economics*) состоит в том, что центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества естественников являются эксперименты (недаром естественников называют естествоиспытателями). В сообществе естественников принятие или отбрасывание тех или иных теорий происходит на базе обсуждения экспериментов, а так как еще в колебании института естествознания, Лондонском королевском обществе, с самого начала правдивость в свидетельствовании результатов эксперимента и его честной интерпретации была высшей ценностью и неукоснительным правилом, то институт успешно продвигался по пути познания природы.

Центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества экономистов являются абстрактные теории. Значение абстракции Маркс определяет так: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [34, с. 12]. Это требование к политической экономии четко сформулировал Милль. «В определении предмета, которое мы попытались сформировать для науки политической экономии, мы характеризовали ее как по существу *абстрактную* науку и ее метод как метод *a priori*. Такой [метод] в понимании и преподавании [другим] всех самых выдающихся учителей, несомненно, является отличительной чертой [политической экономии]. Она ведет рассуждения и, как мы утверждаем, обязательно должна вести рассуждения от предпосылок, а не от фактов» [35, с. 60-61]. Теория рождения и эволюции профессии академических (университетских) экономистов, которая развита в этой статье, исходит из того, что эти их рождения и эволюция происходят под сильным (определяющим) влиянием внешних к профессии сил. Эти силы связаны с погруженностью профессии в капиталистический общественный порядок и ее функционированием как профессии университетских преподавателей, с неизбежным подчинением этого функционирования воззрениям времени возникновения профессии относительно того, что из себя представляет профессия университетского преподавателя.

Книга Адама Смита была переведена на французский язык и получила во Франции широкое распространение [80]. Жан-Батист Сэй способ-

ствовал распространению ее идей в этой стране. Американский историк Элизабет Сейдж в своей книге «Сомнительная наука. Политическая экономия и социальный вопрос во Франции XIX века» пишет, что французские промышленники, ставшие с развитием капитализма наиболее влиятельной социальной группой, нашли в произведениях Смита и Сэя «оправдание правомерности их деятельности, утверждение их материального богатства и «научную» поддержку принципов *laissez-faire* и правительственного невмешательства» [110, р. 23]. Такое оправдание и поддержка стали необходимыми из-за того, что ранний капитализм породил так называемый «социальный вопрос» (*La question sociale*). Под социальным вопросом понималось большое количество явлений, связанных с плохим положением рабочих и их семей и протестной деятельностью против этого положения. Французские экономисты увидели для себя хорошие возможности профессионализации своей дисциплины, связанные с актуальностью социального вопроса. Для того чтобы получить «научный статус и власть» дисциплина «ограждала себя от нежелательного знания», «возвышала определенные типы знания и дисквалифицировала другие» [110, р. 6]. Нежелательное знание касалось прежде всего социального вопроса, «именно промышленники предлагали описания социального вопроса и пути его решения, которые экономисты изучали, продвигали и интегрировали в свою науку» (110, р. 7). При этом они опирались на фиктивных «ими придуманных Адама Смита и Жана-Батиста Сэя» [110, р. 19], игнорируя в их учениях все, что противоречило принципу *laissez-faire*. Содержание их статей и книг определялось «их желанием защитить социальный порядок и страхом перед социализмом» [115, р. 777].

В середине XIX в. курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал об этом в 1864 г. в своем докладе Императору Наполеону III. По поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права он напоминал, что император в свое время обратился к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии, утверждая, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Министр далее пишет: «Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [76, р. 43-44].

Профессия академического экономиста была создана как профессия университетского преподавателя и остается во многом таковой и по сей день. Вплоть до XIX в. университеты являлись чисто образовательными учреждениями, подчиненными церкви и государству [66, р. 13]. Возник-

новение университетов было связано с тем, что *Католическая церковь, гражданские власти и правящие классы* нуждались в образованных людях для ведения своих дел [66, р. 8-9]. Университеты получали всевозможные выгоды, в том числе выплату государством заработной платы профессорам, и выполняли отведенную им роль обучения будущих элит, а также поддержания и укрепления установленного общественно-политического порядка [66, р. 19]. Высшей университетской дисциплиной долгое время была теология, в рамках которой, с одной стороны, изучалась и интерпретировалась Библия, а с другой стороны – собственно теология, находившаяся в то время под влиянием философии Аристотеля [66, р. 26]. Правительства и церкви в XVIII в. поручали университетам стоять на страже единомыслия и бороться со всякого рода отклонениями от него. Так, Сорбонна блюла интересы абсолютизма и Католической церкви, а Кембриджский и Оксфордский университеты были непосредственно связаны с Англиканской церковью. Как свидетельствовал немецкий философ Герберт Шнедельбах: «В Оксфорде и Кембридже наукой занималась в основном аристократическая элита, чуждая практике и не имевшая сколько-нибудь заметных побуждений к исследованиям. Здесь продолжал существовать средневековый университет, находившийся под управлением церкви, что сказывалось в монастырском образе жизни (*college-system*) и в отсутствии принципиального признания свободы науки. Исследования, в свою очередь, были делом гражданского общества, которое частным образом заботилось об их финансировании и обнародовании, а также сферой деятельности академии (*Royal Society*). Во Франции же после 1806 г. 22 бывших университета страны были понижены до уровня специальных школ, управляемых и координируемых институтом, который назывался «Императорский университет». Не «учащая наука, а преподающее государство» использовало здесь университеты. Исследования были исключены из университета в пользу государственного учебного плана и достались в удел академии. Эта французская модель уже в начале XVIII в. под влиянием Лейбница была перенесена в Россию Петром Великим и до сих пор определяет советскую и восточноевропейскую сущность университета» [56, с. 67-68].

Университетский диплом служил свидетельством определенной социальной принадлежности, знаком лояльности установленному политическому порядку. Настоящее образование приобреталось вне университета, в семье, в салонах, путем прослушивания частных лекций, чтения книг, а также непосредственно на практике в начале карьеры [66, р. 56]. Если некоторые университетские преподаватели или студенты и входили в число ученых и мыслителей этой эпохи, то делали они свои открытия и разрабатывали свои труды вне университета. Институтами, в рамках которых эта деятельность осуществлялась, в то время были академии и научные общества, а также кабинеты богатых любителей науки [66, р. 53-54]. *Естественные науки возникли вне университетов и оформились как институт также вне их.* Рождение этого института, как уже отмечалось ранее, может быть связано с возникновением в 1662 г. Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе.

Итак, возникновение профессии экономистов в середине XIX в. во Франции, несколько позже в Англии и США, было связано с существованием социального вопроса, вызванного ранним капитализмом. Французские экономисты-любители XIX в., сторонники идей Кенэ относительно естественного порядка, естественных законов и *laissez-faire*, были хорошо подготовлены для теоретического обоснования «естественности» тяжелого положения промышленных рабочих и вредности вмешательства государства с целью его улучшения. Когда молодой наследник престола, будущий Луи XVI, спросил у их учителя Кенэ, что нужно делать, чтобы помочь экономике королевства, он ответил «ничего» [75, р. 76]. Уже очень экономически и политически влиятельные в то время промышленники способствовали профессионализации экономистов, выражающих и защищающих их интересы, путем влияния на их идеи и на процесс создания государством кафедр политической экономии в университетах. *Легкость, с которой произошла интеграция экономистов в университеты, объясняется схоластическим характером в XIX в. этих учебных заведений и их нацеленностью на поддержание существующего общественного порядка.* Из этого становится понятным, почему в основу профессионализации французских экономистов были положены произведения Смита и его популяризатора Сэя, а не Бугильбера, Галиани, Стюарта и Руссо. Ярлык науки, который Кенэ присвоил своим экономическим идеям, начал служить легитимизации профессиональной деятельности экономистов в роли университетских преподавателей.

Рождение экономической дисциплины в Англии и США. Как уже отмечалось выше, стараниями физиократов экономическая дисциплина попала в ловушку ньютоновской механики, однако ни сам Кенэ, ни его непосредственные последователи не использовали математический аппарат в своих построениях. Спрос на использование этого аппарата у экономистов явно был, так как дифференциальное исчисление было важным атрибутом ньютоновской механики, служащей для них образцом. Этот спрос, казалось бы, должен был быть удовлетворен французским математиком Антуаном Огюстеном Курно (1801–1877), который использовал дифференциальное исчисление для построения моделей экономики. Но этого не произошло, так как будучи сторонником вмешательства государства в экономику [114] он строил математические модели, которые не очень были приспособлены для выражения «идеологической системы» затребованной капиталистическим общественным порядком. Однако физика развивалась, и на смену механике во второй половине XIX в. пришла термодинамика с соответствующим ей математическим аппаратом. Этот аппарат был использован Леоном Вальрасом (1834–1910) и Уильямом Джевонсом (1835–1882) в экономике, что получило название «маржиналистской революции». Маржиналистской она была названа потому, что теоретические построения Джевонса и Вальраса использовали дифференциальное исчисление с ее предельными (маргинальными) величинами.

Так экономическая дисциплина попала еще в одну ловушку, на этот раз термодинамическую. Как блестяще показал Филип Майрски, их

построения, давшие начало неоклассической экономической теории, есть не что иное, как переинтерпретация математических конструкций термодинамики середины XIX в. По его мнению, «маржиналистскую революцию» следовало бы переименовать в «маржиналистскую аннексию»: «Неоклассическая экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX века: полезность была переопределена так, чтобы занять место энергии» [30, с. 105]. Знание хронологии событий и анализ трудов и биографий «героев» позволило Майровски понять одновременность «открытия» неоклассической экономической теории в 1870-е и 1880-е гг. Он замечает, что «мнимая тайна рассеивается после того, как становится понятным, что физика энергий проникла в некоторые учебники к 1860-м гг. и быстро стала основной метафорой обсуждений в физическом мире» [97, р. 217]. Майровски не считает случайностью «что несмотря на совсем различные культурные и социальные влияния на европейских прародителей неоклассической теории, все они получили образование в области естественных наук. Влияние этого образования на их экономические писания не было особенно тонким, и выявить его не представляет труда» [97, р. 217]. Филип Майровски не включает Карла Менгера, основателя австрийской школы в экономической дисциплине и противника Густава Шмоллера в их споре о методах [55; 20], в авторы маржиналистской революции.

Таким образом, *возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как открытие в области экономической науки, а просто как совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей области знания* [65]. *Необыкновенный успех маржиналистской революции объясняется тем, что она очень удачно позволила одеть в математические одежды ту же идеологическую систему, присутствие которой в «Богатстве народов» обеспечило успех этой книги.*

В конце XIX в. Альфред Маршалл взяв на вооружение построения Джевонса и Вальраса стоял у истоков современного магистрального направления экономической дисциплины и был истинным архитектором института британской экономической науки, который послужил моделью сначала для США, а потом и для всего мира. Важнейшей чертой этого института было дистанцирование экспертов от «людей практики», то есть от акторов. Эта черта очень характерна для британского сообщества профессиональных экономистов XIX в. Уже Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, говорил, что нет худшего авторитета в любой области политической экономии, чем «чисто практические люди» (*mere practical men*) [67, р. 402]. Маршалл также сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход, четко сформулированный Дж.С. Миллем в статье «Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей» (1836), русский перевод которой опубликован в [35; 36, с. 985-1023]. С другой стороны, интегрируя маржиналистскую революцию в свою экономику, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из

нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость [67, p. 396].

Поступив в колледж Сент-Джон Кембриджского университета, Маршалл реализовал свои честолюбивые устремления, заняв второе место по математике, и тут же был принят в аспирантуру, где намеревался посвятить себя изучению молекулярной физики. Однако под влиянием дискуссий, имевших место в Кембридже, он довольно скоро изменил свои планы: «Его стремление изучать физику было (по его собственным словам) пресечено внезапным пробуждением в нем глубокого интереса к философским основаниям знания, особенно в связи с теологией. Когда Маршалл был на последнем курсе в Кембридже, предпочтение, которое он отдавал математике перед древними языками, отнюдь не помешало ему сохранить прежние религиозные верования. Он все еще думал о посвящении в сан и временами даже мечтал стать миссионером в далеких странах» [22, с. 6-7]. Молодой Альфред Маршалл не мог оставаться безразличным к социальному вопросу, который был в Англии не менее острым, чем во Франции.

Следующие отрывки из воспоминаний Маршалла дают ключ к пониманию того, как социальная среда повлияла на него в выборе варианта экономической дисциплины, которая по словам английского министра того времени, «спасла Англию от социализма». «От метафизики я перешел к этике, – пишет Маршалл, – и считал, что трудно оправдать нынешние условия жизни общества. Один мой друг, весьма начитанный в области, которую теперь называют наукой о морали, постоянно твердил мне: “Ах, если бы ты разбирался в политической экономии, ты бы так не считал”. Тогда я прочитал “Политическую экономию” Дж.С. Милля, и она произвела на меня глубокое впечатление. У меня возникли сомнения в правильности тезиса о неравных возможностях, противопоставляемого тезису о материальном достатке. Поэтому я во время каникул посещал беднейшие кварталы ряда городов, обходил одну улицу за другой и всматривался в лица самых бедных людей. В результате я решил как можно обстоятельнее изучить проблемы политической экономии. ... Примерно в 1867 году, когда я преподавал математику в Кембриджском университете, (я задался вопросом) в какой мере условия жизни британских (и иных) трудящихся классов удовлетворительны, чтобы обеспечить им полноту жизни? Люди постарше и мудрее говорили мне, что производственных ресурсов не хватает для того, чтобы огромная масса людей могла пользоваться свободным временем и возможностями для получения образования; и они говорили, что мне необходимо изучить политическую экономию. Я последовал их совету и счел себя лишь временным путешественником в стране сухих фактов, которому затем очень скоро следует вернуться в богатый мир чистой мысли» [22, с. 9-10].

Знаменитый ученик Маршалла Дж.М. Кейнс свидетельствует, что познакомившись с трудами Рощера, Маркса и Лассалля, Маршалл «решил ближе ознакомиться с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся

классов, ... установить контакты с лидерами профсоюзов, кооперативов и других групп трудящихся. Однако понимая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет, он заполнил это время написанием отдельной монографии или специального трактата о внешней торговле, так как основные факты относительно этой отрасли хозяйства можно почерпнуть из публикуемых документов... Роковым оказалось решение Маршалла отказаться от плана написать серию монографий по отдельным экономическим проблемам в пользу создания всеобъемлющего труда, который должен был родиться целиком и полностью в голове экономического кудесника» [22, с. 16-17].

Когда Маршалл в 1885 г. стал профессором политической экономии в Кембриджском университете, эта дисциплина в Англии находилась в удручающем состоянии. Репутация ее была низкой, в частности из-за острых разногласий ведущих авторов в этой области. В университетах было мало возможностей для преподавания и исследований, политическая экономия занимала очень мало места в учебных планах, в которых все еще доминировали античная классика и теология. Экономическая дисциплина практически не присутствовала в списке экзаменов, ее преподавали профессора, чьи интеллектуальные интересы концентрировались на других дисциплинах [67, р. 106]. Маршалл разработал и ввел университетский унифицированный экзамен по экономической теории; таким образом, все студенты пропускались через чистилище неоклассической доктрины. Экзаменационная система по экономике служила той силой, которая удерживала эффекты «дезинтеграции классической догмы» [67, р. 120]. Маршалл же ввел правило, в соответствии с которым к эмпирическим исследованиям допускали только студентов, имеющих уже степень бакалавра, и работу с ними канализировали в соответствии с неоклассической теорией [67, р. 111]. Маршалл нарочито и успешно оберегал своих студентов от методологических разногласий, которые мучили экономистов его поколения, и способствовал возникновению духа непрерывности поколений, уважения и верности авторитетам прошлого [67, р. 107-108].

Половина экономических кафедр в Великобритании была занята учениками Маршалла, а его влияние на систему экономического образования в этой стране простиралось еще шире [67, р. 107]. В течение четверти столетия он, без сомнения, мог влиять на большую часть назначений на должность преподавателей экономики в Англии [67, р. 121]. В Великобритании конца XIX в. стараниями Маршалла был дан старт институту экономической дисциплины, основанной на неоклассической экономической теории с ее абстрактно-априорным подходом. Практически в то же время (десятилетием ранее) в Германии стартовал институт *совершенно другой экономической науки*, которая по существу следовала естественнонаучной экспериментальной традиции [16; 20; 55; 112].

Направленность британской традиции в политической экономии, а затем и в экономике, на абстрактно-априорный подход выводится из глубоких *теологических традиций британских университетов*. Значитель-

ную часть своей долгой истории они были нацелены на подготовку *священнослужителей*, что не могло не наложить определенный отпечаток. Маршалл был сильным математиком, но слабым философом. В методологии он шел на поводу у Дж. С. Милля, а в области экономической науки развивал и синтезировал теории, которые были созданы до него [1, с. 256]. Молодой Альфред Маршалл оказался, по его собственным словам, «временным путешественником в стране сухих фактов», считая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет.

Маршалл выбрал «богатый мир чистой мысли», так как английские университеты того времени были совершенно чужды научной экспериментальной культуре, рожденной в естествознании. Выбор в пользу эмпирических исследований мог оказать негативное, а может быть и роковое влияние на его академическую карьеру. В Великобритании и США XIX в. университеты в отличие от Германии еще не стали исследовательскими, и институционализация экономической дисциплины в этих странах произошла в рамках университетов, сохранивших многие черты средневековых. «Естественные науки были введены в британское университетское образование достаточно поздно, не ранее 1880-х годов», господствующее положение в них на протяжении всего XIX в. занимала математика, которая рассматривалась как классическое наследие древних Греции и Рима [81, р. 149]. *В этой интеллектуальной атмосфере связь дисциплины с математическим методом, а не с экспериментальным, была решающим признаком научного характера дисциплины.* Для того чтобы заслужить такую характеристику, британские экономисты пошли по пути «последовательного исключения индуктивных и исторических элементов курса политической экономии, приведшее к господству дедуктивного метода» [81, р. 149].

В конце XIX в. профессионализация и связанная с ней институционализация экономической науки активно развивались за океаном, в США. И здесь возникает уникальная и крайне интересная ситуация институционализации перенесенных из Европы в эту страну *двух образцов экономической науки*, английской и немецкой. В США в это время имеются два типа университетов. Во-первых, это университеты, доставшиеся США в наследство от колониального периода, когда территории, на которых возникла эта страна, были просто заморскими территориями Великобритании. Такие университеты естественно были созданы по образцу британских университетов. Во-вторых, после обретения независимости в США возникают новые университеты, которые в XIX в. создавались сразу как исследовательские, имеющие в качестве образца немецкие. К первому типу относится Гарвардский университет. Основанный в 1636 г., он является старейшим высшим учебным заведением страны. Сначала он был конгрегационалистским учебным заведением и в течение многих лет готовил священнослужителей. Конгрегационалисты – *Congregational church*; индепенденты – левая ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию (*Independence*) каждой (*Congregation*) приходской общины. Свое

название, сначала как Гарвардский колледж (1639), а затем как Гарвардский университет (1780), он получил в честь молодого священника Джона Гарварда. Начиная с середины XIX в. христианская религия вдохновляла оба лагеря американских экономистов, как сторонников *laissez-faire*, так и его противников. Противники были членами движения социального евангелизма (*Social Gospel*) [60]. Как пишет американский историк Мэри О. Фернер, сторонники *laissez-faire* были членами так называемой клерикальной школы академических экономистов, которая тесно сотрудничала с группой состоятельных и видных деловых людей. Их общей целью было основание американской системы экономической дисциплины на базе доктрины *laissez-faire*. Экономический синтез, возникший в середине XIX в., был результатом совместных усилий академических работников, которые применяли в США английскую классическую политическую экономию в качестве научной замены моральной философии, и американских бизнесменов, которые нуждались именно в таком обосновании для развивающейся промышленной экономики [82, р. 36-37]. Открытый в 1876 г. Университет Джонса Хопкинса первый американский университет, созданный в соответствии с немецкой моделью исследовательского университета, связанной с именами Вильгельма Гумбольдта, Иоганна Фихте и Фридриха Шлейермахера. Именно здесь первоначально профессорствовал Ричард Илай, который привез традицию немецкой экономической дисциплины в США [16].

Относительно большинства американских университетов того времени Мэри О. Фернер свидетельствует: «К середине 1870-х гг. экономисты сторонники *laissez-faire* укрепили свой контроль над дисциплиной в университетах. Экономика стала наукой о богатстве и полезным оправданием для предпринимателей, которые пожинали плоды растущей экономики. Право принадлежности к профессии экономиста связывалось с верностью системе *laissez-faire*, а не с полученным образованием или проявлением научных способностей... *laissez-faire* было больше, чем просто проверка экономической ортодоксии. Вера в *laissez-faire* использовалась в качестве критерия для решения вопроса о том, является ли данный человек вообще экономистом» [82, р. 39-40]. Необходимо иметь в виду, что в 1890–1910-х гг., как раз во время институционализации экономической науки, в США достаточно большое количество экономистов, не являющихся сторонниками *laissez-faire*, были подвергнуты преследованиям [81, р. 79]. Политические атаки на экономистов побуждали их выбирать «безопасные» области и методы исследования. С этой точки зрения, неоклассическая экономическая теория, в особенности в ее математической форме, была такой идеальной безопасной областью. Вот почему неоклассическая экономическая теория стала «для американских экономистов притягательной исследовательской стратегией, особенно для молодого поколения, которым еще только предстояло обеспечить себе прочное положение» [81, р. 79-80].

Важную роль в процессе профессионализации экономической дисциплины в США сыграл гарвардский профессор экономики Фрэнк Таусиг (1859–1940). Он не был включен М. Блаугом в список «Сто великих

экономистов до Кейнса» [8], однако такая оценка не соответствует влиянию этого человека на эволюцию экономической дисциплины в США, а так как после второй мировой войны она стала доминировать на Западе, то, следовательно, такая оценка не соответствует и его роли в развитии этой дисциплины в мире. Косвенно значение Фрэнка Тауссига в экономической науке подтверждается современным переизданием многих из его книг, в том числе и двухтомного учебника «Principles of Economics» («Принципы экономической науки»), увидевшего свет в 1911 г. и вновь выпущенного разными издательствами в 2000 г. и 2003 г. Далеко не все сто экономистов из списка Блауга удостоены такого внимания. Тауссига рассматривают как «американского Маршалла», который благодаря своему положению в Гарвардском университете, знаменитому учебнику 1911 г. и контролю на протяжении 40 лет журнала «Quarterly Journal of Economics» (он был главным редактором журнала в 1889–1890 и 1896–1935 гг.) способствовал распространению Кембриджской версии экономической дисциплины в Соединенных Штатах¹. Характеризуя преподавательскую деятельность Тауссига, Шумпетер пишет: «Как когда-то Маршалл, он преподавал евангелие своего времени, никогда не выходя за его рамки и ничем не показывая его относительности... Как и Маршалл, базовые элементы теории Тауссиг взял у Милля» [57, с. 287, 304]. Что касается деятельности Тауссига как главного редактора журнала, то «он хотел, разумеется, чтобы его журнал освещал актуальные проблемы, но он предпочитал статьи о тех проблемах, которые можно было обсуждать в свете общих экономических принципов» [57, с. 296].

Методология науки, математизация экономической дисциплины и три убеждения экономистов магистрального направления. Представители магистрального направления в экономической дисциплине проявляют свое невежество в области истории естествознания, говоря, что критерием научности является измерение и применение математики. Так, например, С.М. Гуриев считает, что «только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие нет» [13, с. 140-141]. Такой критерий может привести к абсолютно абсурдным выводам, например, что микробиология Луи Пастера не является научной, так как «ни одного уравнения, ни одного вычисления нет в семи томах полного собрания сочинений Пастера» [92, р. 69]. Гуриев также считает, что «именно «экономический империализм» приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории. Поэтому он – необходимое условие развития других общественных наук» [13, с. 141]. Но если Гуриев считает, что методология верификации и фальсификации теории и есть методология естествознания, то он глубоко заблуждается. Карин Кнорр Цетина, которая проводила углубленное изучение реальных естественнонаучных исследовательских практик, приходит к заключению, что они представляют собой «не

¹ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Frank_William_Taussig

какое-то четкое и строгое продвижение по пути верификаций или фальсификаций, а довольно неупорядоченные действия по различного рода экспериментированию» [90, р. 107]. Что касается связи экспериментальной («лабораторной») науки с теорией, то на основании своих «полевых» исследований Кнорр Цетина делает выводы о том, что «большая часть лабораторной науки в молекулярной генетике прямым образом не основана ни на каких-либо теоретических представлениях, ни как кажется, не очень-то вовлечена в их построение. В молекулярной генетике теоретические утверждения могут в действительности быть *ad hoc* «рационализациями» собранных данных» [90, р. 120].

Конструктивистская постнеклассическая методология экономической науки [15] концентрирует свое внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, а на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют. Эта методология погружает экономическую науку в *конструктивистскую парадигму*, которая уже активно развивается в психологии, социологии [52] и политологии [58]. Математика хорошо послужила физике, основанной на ньютоновской онтологии, однако для общественных наук такая онтология неадекватна и должна быть заменена дискурсивной онтологией [15, с. 27-29]. Применение математики в экономике является реализацией ошибки Декарта [71] и мечты Декарта [73]. Его «картезианство разрушило баланс, который должна поддерживать истинная наука: баланс между мышлением и наблюдением, дедукцией и индукцией, воображением и здравым смыслом, размышлением и действием, разумом и страстью, абстрактным мышлением и реализмом, миром внутри и миром вовне рассудка. Под воздействием картезианства вторые элементы в названных парах были пожертвованы первым. Декартовские эпистемологические размышления открыли эру аксиоматического, аисторического, дедуктивного мышления» [96, р. 39]. Картезианский дуализм с его разделением знания и действия, объекта и субъекта, факта и оценки, теории и практики служит эпистемологическим основанием неоклассического экономикс [64, р. 65] и большинства неортодоксальных направлений экономической науки. Верификации и фальсификации теорий, о которых говорит Гуриев, представляют собой их тестирование, но «тестирование не является гарантией верных идей, так как потеряв свою швартовку к реальности, экономический разум создал столько загадок, головоломок и чисто умозрительных конструкций, что тестирование доказывает все и ничего» [96, р. 38-42].

Применяя математику в своих исследованиях, экономисты магистрального направления разделяют вполне определенные три убеждения. Первое из них проистекает из классической науки, родоначальником которой считается Галилео Галилей. Языком общения человека с природой он считал язык математики, так как, по его мнению, «книга природы» написана на этом языке [24, с. 182, 185; 63, р. 75]. Его твердая вера в математическую структуру мира освобождала его от необходимой зависимости

от эксперимента [63, р. 76]. Именно Галилей провозгласил суверенитет причинности в науке. (О неадекватности убеждения в «суверенитете причинности в науке» применительно к социальным наукам см.: [15, с. 26-34]). Причинное объяснение природы для него – основная задача исследования. Математика, считает Галилей, «раскрывает связь явлений, их причинную обусловленность» [24, с. 184-185]. Он и его последователи были уверены, что наука способна открывать глобальные истины, а так как природа написана на математическом языке и этот язык природы единствен, то они считали, что эти глобальные истины могут быть получены путем локального экспериментирования. При этом «сложность природы была провозглашена кажущейся, а разнообразие природы укладываемым в универсальные истины, воплощенные у Галилея в математических законах движения. Убеждение основателей современной науки оказалось необычайно живучем и сохранилось на века» [38, с. 50]. Большинство экономистов настойчиво сохраняют это убеждение применительно к экономической действительности.

Книга профессора экономики Университета Дьюка Э. Роя Вайнтрауба «Как экономикс стала математической наукой» [123] проливает свет на источник двух других убеждений экономистов магистрального направления. Отметив особую роль математики в Кембриджском университете, где стартовал институт экономикс, автор обращает внимание на то, что в послевоенный период два американских академических сообщества, математическое и экономическое, тесно взаимодействовали друг с другом. Э. Рой мог наблюдать это взаимодействие непосредственно в своей семье: сам он является экономистом-математиком, его отец, Сидни Вайнтрауб, был экономистом, но не математиком, а его дядя Гарольд Вайнтрауб – математиком. Культуры двух сообществ были вполне совместимы, и результатом стало «обогащение» культуры сообщества экономистов культурой сообщества математиков. Последняя характеризуется, в частности, отсутствием обязательности и необходимости непосредственной связи своих теоретических (математических) построений с реальностью [28, с. 276] и критерием красоты¹ как одним из важных принципов в выборе математических объектов исследования и оценке полученных результатов [116]. Эти два убеждения и впитали экономисты вследствие взаимодействия двух культур. Пол Кругман высказался по этому поводу в нашумевшей статье, опубликованной в газете «The New York Times» 2 сентября 2009 г. «Экономикс, считает он, сбился с пути, потому что экономисты в массе своей ошибочно приняли за правду красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками».

¹ Бертран Рассел на эту тему свидетельствует: «Математика, при правильном на нее взгляде, обладает не только истиной, но и высшей красотой – красотой холодной и суровой, подобно скульптуре, не обращенной ни к какой стороне нашей слабой природы, лишенной украшений живописи и музыки, и тем не менее утонченно чистой и способной к строгому совершенству, свойственному лишь величайшему искусству. Истинный дух восторга, блаженства, чувства что ты больше, чем Человек, каковое есть критерий высшего совершенства, присутствует в математике так же несомненно, как и в поэзии» [109, р. 60].

Математики приучены своим воспитанием на математических факультетах университетов не обращать внимания на связь своих математических конструкций с реальностью, а иметь дело исключительно с внутренней логикой самих математических структур. Филип Дэвис и Рубен Хэрш на базе включенных наблюдений и интервью с математиками написали книгу об этой профессии под названием «Математический опыт» [72]. По их мнению, «идеальный математик» на вопрос «Имеет ли какой-нибудь смысл вне сообщества математиков теоремы доказываемые математиками?» ответил бы: «Как мы, как математики, доказываем аутсайдерскептику, что наши теоремы имеют смысл в мире за пределами нашего собственного братства? Если такой человек принимает нашу дисциплину, и проходит через два или три года магистратуры в области математики, он впитывает в себя наш образ мышления, и больше не является критическим аутсайдером, которым он когда-то был. Таким же образом, критик сайентологии, который подвергся нескольким годам “обучения” признанными в сайентологии “авторитетами” вполне может стать верующим в нее, вместо того чтобы быть ее критиком»¹ [73, р. 34-44]. Такого типа математика возникла под влиянием группы французских математиков, которые публиковали свои книги под псевдонимом Никола Бурбаки. Они пытались представить всю математику на основе аксиоматического метода, который они понимали следующим образом: «Аксиоматический метод, собственно говоря, есть не что иное, как искусство составлять тексты, формализация которых легко достижима. Он не является новым изобретением, но его систематическое употребление в качестве инструмента открытий составляет одну из оригинальных черт современной математики. В самом деле, и при записи, и при чтении формализованного текста совершенно несущественно, приписывается ли словам и знакам этого текста то или иное значение или даже не приписывается никакого, — важно лишь точное соблюдение правил синтаксиса» [9, с. 24].

Э. Рой Вайнтрауб и Филип Майровски блестяще показали, «как бурбакистская школа математики быстро мигрировала в неоклассическую математическую экономику». Это пересечение дисциплинарной границы установило для экономистов внушительное здание вальрасовской теории общего равновесия в качестве ориентира для высокой теории в экономике на протяжении последующих четырех десятилетий [124, р. 246]. Жерар Дебре, обученный во Франции одним из членов группы Бурбаки, послужил «трансокеанским семечком» для прикладной математики, вдохновленной бурбакизмом, которое пустило корни и расцвело в послевоенной американской среде [124, р. 248]. Почвой, подготовленной для посева такого «семечка» в экономической дисциплине, была Комиссия Коулза по исследованиям в экономике, многие сотрудники которого пришли в него из физики [124, р. 249]. (Комиссия Коулза по исследованиям в экономике

¹ Проректор ВШЭ К.И. Сонин является по-видимому идеальным математиком, защитив в 1998 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук под названием «Кольца лорановских рядов».

представляла собой научно-исследовательский институт основанный и финансируемый бизнесменом Альфредом Коулзом (Alfred Cowles)). Среди работников этой организации и был француз Жерар Дебре. По Вайнтраубу и Майровски, Дебре хотел, чтобы его «Теория ценности» была прямым аналогом «Теории множеств» Бурбаки. Они считают, что «в интерпретации Дебре, теория общего равновесия таким образом утрачивает свой статус «модели», чтобы стать самодостаточной «формальной структурой». Цель состояла уже не в том, чтобы представить экономику, как бы это представление не понимать, а в кодификации самой этой неуловимой сущности, вальрасовской системы» [124, р. 265]. Комитет по премии Центрального банка Швеции (Sveriges Riksbank) в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля объявил: Жерар Дебре доказал, что «рынок работает автоматически», на это лауреат премии отреагировал фразой: «Извините, но я не имел этого в виду» – «Sorry, I did not mean that» [77, р. 30]. Выдающийся российский математик Владимир Игоревич Арнольд выступал с резкой критикой бурбакизма [3]. Он считал, что «современное формализованное образование в математике опасно для всего человечества» [4]. Бурбакизм сильно повлиял на экономическое магистральное направление экономической дисциплины, которое, как показал экономический кризис, разразившийся в 2007 г., также опасно для всего человечества.

Завышенные требования к знанию математики на экономических факультетах западных университетов являются зачастую непреодолимым барьером для творчески мыслящих экономистов, в то время как докторские (PhD) степени по экономике могут достаться физикам или математикам, не способным ориентироваться в простейших экономических вопросах. Складывается парадоксальная ситуация: чтобы получить докторскую степень по экономике, совсем не обязательно в ней разбираться [49, с. 103-105]. Именно в этом и исповедовался цитируемый выше Ариэль Рубинштейн. Экономическая дисциплина на Западе во многом превратилась в раздел прикладной математики. Процесс такого превращения наблюдается в настоящее время и в России. Задачи, решаемые студентами на занятиях по курсам «Экономическая теория (Микроэкономика)» и «Институциональная экономика», во многом представляют собой упражнения по математике. Так, задачник, изданный ВШЭ по курсу институциональной экономики, состоит в основном из задач по математической теории игр [26].

Неолиберализм, экономическая теория, преподаваемая в университетах, и современная Россия. Неолиберализм как идеология и как общественное движение во многом является детищем экономистов. Возникновение его связано с именами таких экономистов, как Фридрих фон Хайек и Милтон Фридман, а применение и распространение его в постсоветской России осуществлялось в основном экономистами. Преподавание в настоящее время в российских университетах экономической теории (микроэкономики) и институциональной экономики есть не что иное, как преподавание неолиберальной теории. Цитируемый в начале этой статьи Роберт Хайлбронер утверждал, что в своей идеологической функции эконо-

номике вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти», и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов». Это вуалирование соответствует определению: «экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [41, с. 18]. В этом случае изучать экономический порядок с точки зрения институтов и власти не нужно, так как он является, как его окрестил Хайек, «спонтанным».

Понятие «спонтанного порядка» Хайека и понятие «естественных законов» Кенэ, на котором основывался Смит и в которые по существу продолжают верить большинство экономистов, являются очень близкими. Социальный конструктивизм противопоставляет этим идеям следующее: «Социальный порядок не является частью “природы вещей” и не возникает по “законам природы”. Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт» [7]. Такое понимание присутствовало уже у Руссо. Человеческое поведение подчиняется двум типам правил: формальным (писанным) и неформальным (неписанным), и те и другие являются человеческим продуктом. Формальные пишутся людьми, и эти правила принимаются или отторгаются сообществами людей (коллективное отторжение всегда основывается на его коллективном аргументировании). Примером массового отторжения введенного законодательства может служить законодательство по приватизации сельского хозяйства в 1990-е гг. [19; 21].

Неформальные правила создают люди путем подачи примера поведения, сопровождаемого разъяснением другим самого правила и того, почему ему нужно следовать, а также реакций на поведение других, выражаемых в аргументах: почему рассматриваемому правилу, пример которого исходит от другого, нужно следовать или нет. Институт – это определенная совокупность формальных и неформальных правил принятых тем сообществом, для которого и/или в рамках которого эти правила создавались. При создании институтов решающую роль играют отношения власти. С другой стороны, существующие институты во многом определяют отношения власти. Будучи совокупностью институтов, социальный порядок неотделим от отношений власти. Экономический порядок как элемент социального порядка также неотделим от отношений власти, причем далеко не только применительно к ценам. Поэтому, делая своим предметом институты, институциональная экономика неизбежно должна изучать экономику как систему власти [14; 111]. Именно это является совершенно недопустимым для экономической дисциплины, на-

целенной на легитимизацию существующего экономического и всего социального порядка.

Именно необходимостью в легитимизации не только экономического, но и всего социального порядка, и вызвано возникновение «экономического империализма», то есть вовлеченность экономической дисциплины в трактовку политики и общества. Несколько лет тому назад на страницах журнала «Общественные науки и современность» прошла дискуссия относительно экономического империализма, открытая статьей [13]. Во времена Коммонса политология, дисциплина в которой центральным понятием является понятие власти, еще не существовала. Институциональная экономика Коммонса апеллировала к понятию власти, но так как у существующего сообщества экономистов (как ортодоксов, так и гетеродоксов) понятие власти полностью утеряно, то, по-видимому, традиция институциональной экономики естественно должна была продолжаться не экономистами, а политологами, что, собственно, и происходит в сообществах исторического (Теда Скочпол), дискурсивного (Вивьен Шмидт) и конструктивистского (Марк Блит) институционализма. Недавняя книга Марка Блита [61] может служить образцом исследования проблем экономической политики. Послевоенная американская экономическая дисциплина питалась очень мощным приливом в нее математиков, то же стало происходить в России с созданием ЦЭ-МИ. Представляется, что сейчас настало время мощного прилива в экономическую дисциплину не математиков, а политологов.

Сутью социального порядка, на поддержание которого нацелено магистральное направление экономической дисциплины, является то, что важнейшим источником власти при этом социальном порядке являются деньги. Экономисты магистрального направления делают много усилий, чтобы обосновать необходимость сохранения и возрастания этого источника власти. Это делается четырьмя способами.

Первый способ – полное отрицание властного характера экономических взаимодействий, рассмотрение их только в качестве обменных эквивалентных отношений между равными индивидами. В своей книге «Институциональная экономика» Джон Коммонс так определил понятие трансакций: «Трансакции не являются “обменом товаров” в физическом смысле “поставки”, они представляют собой отчуждение и приобретение индивидами *прав* будущей собственности на материальные объекты, как это определяется коллективными правилами общества. *Передача этих прав* должна таким образом быть предметом переговоров между затронутыми сторонами» [68, р. 58]. Таким образом, в этом определении трансакций Коммонс подчеркивает их властный характер, так как передача прав собственности на объект есть не что иное, как передача власти по отношению к этому объекту. Один из создателей «новой институциональной экономической теории» Оливер Уильямсон так искажил коммонсовское понятие трансакции: «Трансакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смежного с первым. Заканчивается одна стадия

деятельности и начинается другая» [51, с. 27]. То есть по существу Уильямсон определяет транзакцию как физическое перемещение, как «поставку» благ или услуг.

Второй способ – обоснование необходимости минимизации роли государства и расширение роли денег в качестве источника власти. Некоторые лауреаты Нобелевской премии по экономике с этой целью открыто призывают сообщество академических экономистов к содействию в создании «гражданской религии» нацеленной против государства: «Эта книга представляет собой выражение надежды на то, что мы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” – религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для 18-го века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» [9а, с. 262].

Третий способ – убеждение всех в том, что цель жизни состоит в максимальном потреблении. Но так как товары и услуги, а также деньги в виде зарплаты на их покупку находятся в руках промышленников и предпринимателей, социальный заказ которых экономисты выполняют вот уже более полутора веков, то это убеждение как ничто другое укрепляет власть этих промышленников и предпринимателей.

Четвертый способ – убеждение всех в том, что для достижения цели максимального потребления и при стремлении к максимальному обогащению моральные правила не должны приниматься во внимание вообще или по крайней мере рассматриваться как второстепенные. Снятие с себя какой-либо моральной ответственности за последствия своих действий, то есть моральных ограничений на осуществляемые действия, также сильно увеличивает власть, основанную на деньгах. Тот же Оливер Уильямсон довел этот четвертый способ до своего логического конца, говоря о том, что людям свойственно оппортунистическое поведение. Под оппортунизмом он понимает преследование личного интереса с использованием коварства. Он подчиркивает что «подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими» [51, с. 97]. В книге А.А. Аузана (декана экономического факультета МГУ) [5], в учебнике Я.И. Кузьминова (ректора Высшей школы экономики (ВШЭ) и М.М. Юдкевич (проректора ВШЭ) [25] и многочисленных других учебниках и учебных пособиях по курсу «Институциональная экономика» можно довольно легко проследить наличие четырех вышеназванных идеологических способов укрепления власти владельцев капиталов. Присутствие этих способов также налицо в уже упоминавшихся книгах [12] и [48].

Для усиления ореола научности деятельности экономистов, нацеленной на содействие укреплению власти промышленников и предприни-

мателей, Центральным банком Швеции (Sveriges Riksbank) была создана премия в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля, основателя Нобелевской премии. Обычно ее называют «Нобелевской премией по экономике», но в действительности она не имеет ничего общего с завещанием Альфреда Нобеля и может быть охарактеризована как интеллектуальное мошенничество¹. О том, что это премия Центрального банка Швеции, а не действительная нобелевская премия, обычно умалчивается.

Фридрих Хайек внес огромный вклад в развитие и распространение идей неоллиберализма, создав в 1947 г. общество «Мон-Пелерин». Он пригласил ряд университетских профессоров, в основном экономистов, но также и некоторых историков и философов, встретиться в Мон-Пелерин (Швейцария) для того, чтобы обсудить «состояние и возможную судьбу классического либерализма и способы “борьбы с господством государства и марксистским или кейнсианским планированием, которые охватили весь земной шар”». Можно предположить, что наиболее выдающиеся промоутеры неоллиберализма были удостоены премии в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля за свою деятельность в качестве президентов Общества Мон-Пелерин, которое было направлено на то, чтобы превратить университеты в площадки преподавания, коллективного изучения либеральной доктрины и ее продвижения в жизнь [120, р. 5]. Фридрих Хайек был президентом этого общества в 1947–1961 гг. и стал лауреатом этой премии 1974 г.; Милтон Фридман – президент общества в 1970–1972 гг., лауреат премии 1976 г.; Джордж Стиглер – президент в 1976–1978 гг., лауреат премии 1982 г.; Джеймс Бьюкенен – президент в 1984–1986 гг., лауреат премии 1986 г.; Гэри Беккер – президент в 1990–1992 гг., лауреат премии 1992 г.

Американский политолог Соня Амадэ в своей книге «Логическое обоснование капиталистической демократии. Истоки либерализма рационального выбора в холодной войне» [59] хорошо показала, что послевоенная экономическая дисциплина в США развивалась под сильным влиянием холодной войны между США и СССР. Аналогичный процесс происходил в Советском Союзе с марксистской политической экономией. Конфронтация двух версий экономической дисциплины, объединяемых тем, что основная задача каждой из них состояла в том, чтобы быть носителями определенных идеологий, закончилась полной победой американского экономикс. Ярослав Кузьминов, основатель ВШЭ, наверное, не очень отдавал себе отчет в том, что по существу он идет по стопам своего отца, Ивана Кузьмина, соавтора учебника «Политическая экономия» 1954 г., руководителем авторского коллектива которого был К.В. Островитянов. Влияние владельцев капиталов на два форпоста перетекания американского экономикс в Россию, а именно ВШЭ и РЭШ, хорошо просматривается. Что касается ВШЭ, то для этого просто достаточно знать, что ее президент Александр Шохин и научный руководитель Евгений Ясин тесно связаны с Российским союзом про-

¹ <http://exiledonline.com/the-nobel-prize-in-economics-there-is-no-nobel-prize-in-economics/>

мышленников и предпринимателей (РСПП): первый – президент РСПП, а второй начал свою постсоветскую карьеру с генерального директора Дирекции по экономической политике РСПП и директора Экспертного института РСПП. Ангажированность Е.Г. Ясина в распространении идеологии неолиберализма очевидна: он – президент Фонда «Либеральная миссия». Применительно к РЭШ это влияние видно из того, кто доминирует в ее попечительском совете (в основном это крупные российские промышленники и предприниматели¹). *В истинно демократическом обществе экономические исследования и образование должны служить всему обществу, а не только отдельным его группам*, а в случае ВШЭ и РЭШ у лиц, определяющих их политику, налицо то, что называется конфликтом интересов. Конфликт интересов возникает тогда, когда человек выполняет одновременно несколько функций, одна из которых может отрицательно повлиять на надлежащее выполнение обязанностей в рамках других функций. Хотя ВШЭ и РЭШ во многом импортированные университеты, они очень хорошо вписывались в традицию советских экономических вузов и факультетов университетов с их идеологической, а не исследовательской ориентацией.

Существование экономической дисциплины в четырех лицах (науки, философии, идеологии и утопии) не только неизбежно, но и необходимо. Беды России XX в. проистекали не из-за того, что она доверилась идеологиям и утопиям вообще, а потому, что сначала марксизм, а затем экономический либерализм, которым она последовала, настойчиво догматически применялись без оглядки на катастрофические результаты, игнорируя мнения и желания большинства населения страны. Современная экономическая дисциплина как моральная и политическая философия должна предполагать постепенность (экспериментальность) социально-экономико-политических преобразований с их корректировками. Исходить следует из получаемых результатов и вовлечения широких кругов общественности в преобразования, обсуждение результатов и принятие решений по корректировкам. Такая моральная и политическая философия должна основываться на таких трех центральных понятиях, как власть, ответственность и коммуникация.

В Советском Союзе власть основывалась на силе, у Запада – на деньгах. Сейчас в России произошло необыкновенное смешение этих двух источников власти, отсюда присутствие «силовиков» в экономике. Альтернативная и советской, и западной политико-экономическая система должна сместить источники власти от силы и денег к ответственности и коммуникации: это и есть то, что в свое время Джон Коммонс назвал «коллективной демократией» [70, р. 24]. Сейчас оно получило название делиберативной (совещательной) демократии, нашедшей теоретическое обоснование, в частности в трудах Юргена Хабермаса. Коммонс сформулировал идею коллективной демократии так: «Предполагается, что все, что является “разумным” (должно быть) конституционным, и что разумность лучше всего

¹ <http://www.nes.ru/ru/school/management/>

устанавливается на практике, когда представители конфликтующих организованных экономических интересов, вместо политиков или адвокатов, добровольно приходят к согласию относительно работающих правил своих коллективных действий по контролю индивидуальных действий»¹ [70, р. 25]. Это предположение не является чисто умозрительным, а основывается на исследовательском и реформаторском опыте Коммонса [69]. Что касается идеи Хабермаса, то они, хотя пока и робко, но все же начинают проникать в экономическую науку [125].

Конечно, экономическая дисциплина должна присутствовать в университете в двух ипостасях, как экономическая наука и как философия. Как наука она должна давать студентам знания о реальности, донося до них результаты «полевых» исследований и вовлекая студентов в такие исследования, как это и имело место в Висконсинском университете при Джоне Коммонсе [39; 40]. Книги Коммонса «Институциональная экономика» [68] (см. также статью [23]) и «Экономика коллективных действий» [70] могут служить примерами изложения прогрессивной социально-политико-экономической философии. Конечно, сейчас курс институциональной экономики должен впитать в себя современные философско-экономические достижения противопоставляемые неолиберализму, например, философии коммунитаризма (communitarianism) [113]. Необходимость такого курса – налицо, в частности в связи с наличием проблемы коррупции. Как известно, коррупция является важнейшей экономической, социальной и политической проблемой России. Кирилл Кабанов, председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет», безусловно, большой знаток этой проблемы. Во время одной из своих пресс-конференций² он дал ее глубокий нетрадиционный анализ. В частности он считает, что коррупция в России – основа идеологии большинства чиновников. Видение человеческих отношений исключительно через призму обмена оправдывает коррупцию, так как чиновник, требующий от предпринимателя отката за какое-то свое действие, рассматривает эту «транзакцию» как вполне справедливую и взаимовыгодную, забыв о своем долге, ответственности и достоинстве. Беда в том, утверждает Кабанов, что у нас в стране низкий уровень морали и вообще отсутствует идеология, в том числе государственной службы. Ясно, что преподаваемые сейчас будущим бизнесменам, политикам и чиновникам курсы экономической теории и институциональной экономики питают идеологию коррупции, а не честного, ответственного и достойного служения людям.

Важнейшей средне- и долгосрочной антикоррупционной мерой в России была бы реформа экономического образования, предполагающая отмену курса «экономической теории» (микроэкономики) как познава-

¹ “The assumption is that whatever is "reasonable" is constitutional, and that reasonableness is best ascertained in practice when representatives of conflicting organized economic interests, instead of politicians or lawyers, agree voluntarily on the working rules of their collective action in control of individual action”.

² <http://lenta.ru/conf/kkabanov/>

тельно бесплодного и социально вредного, а также кардинальный пересмотр философско-политико-экономического курса «Институциональная экономика». Поворот в курсе институциональной экономики к такой философии, которая может стать основой социально полезной идеологии, должен быть таким, чтобы взамен своекорыстия «экономического человека», рассмотрения социальных отношений исключительно через призму обмена, общества и сообществ как фикцию, государства как бандита и оппортунистического поведения как нормы (как это представлено в учебнике А. Аузана [5]), он давал бы студентам совершенно другие образы социально-экономических взаимодействий. Ориентацию для такой идеологии можно найти уже у Жан-Жака Руссо в его статье «О политической экономии», следующая фраза из которой должна стать основным ориентиром в преподавательской деятельности университетских экономистов, которые перестали бы готовить будущих коррупционеров: «Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан. У вас будет все, если вы воспитаете граждан; без этого у вас все, начиная с правителей Государства, будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан – это дело не одного дня, и чтобы иметь граждан-мужей, нужно наставлять их с детского возраста» [44, с. 125].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. История экономических учений / отв. ред. Н. Макашева. М. : ИНФРА-М, 2008. 784 с.
2. Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
3. Арнольд В.И. Математическая дуэль вокруг Бурбаки // Вестн. Рос. акад. наук. 2002. Т. 72, № 3. С. 245-250.
4. Арнольд В.И. Математические эпидемии XX века – опасность для человечества. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcsme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem (дата обращения: 12.01.2014).
5. Аузан А. Институциональная экономика для чайников. М. : Фэшн Пресс, 2011. 127 с.
6. Беккер Г. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
8. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб. : Экономикс, 2009. 384 с.
9. Бурбаки Н. Теория множеств. М. : Мир, 1965. 456 с.
- 9а. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб. : Экон. шк., 2005. 272 с.
10. Гамильтон У.Х. Институциональный подход к экономической теории // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2. С. 110-117.
11. Гириц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
12. Гуриев С.М. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М. : Юнайтед Пресс, 2011. 294 с.
13. Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // ОНС : Обществ. науки и современность. 2008. № 3. С. 134-141.
14. Дементьев В.В. Экономика как система власти. Донецк : Друк-Инфр, 2006. 404 с.
15. Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Ч. 1. Иная методология экономической науки // Экон. социология. 2011. Т. 12, № 3. С. 15-53.

16. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Ч. 2. Иная история и современность // *Вопр. регулирования экономики*. 2011. Т. 2, № 3. С. 8-91.
17. *Ефимов В.М.* От машин удовольствия к моральным сообществам (Размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // *Журнал институцион. исслед.* 2013. Т. 5, № 2. С. 7-47.
18. *Ефимов В.М.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопр. экономики*. 2007. № 8. С. 49-67.
19. *Ефимов В.М.* Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // *Вопр. регулирования экономики*. 2010. № 3. С. 8-91.
20. *Ефимов В.М.* Спор о методах и институциональная экономика // *Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та*. 2007. Т. 5, № 3. С. 18-36.
21. *Ефимов В.М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России*. 2009. № 1. С. 74-116.
22. *Кейнс Дж.М.* Альфред Маршалл, 1842–1924 // *А. Маршалл. Принципы экономической науки*. М. : Прогресс, 1993. Т. 1. С. 5-55.
23. *Коммонс Дж.* Институциональная экономика // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10, № 3. С. 69-76.
24. *Котенко В.П.* История и философия классической науки. М. : Акад. Проект, 2005. 473 с.
25. *Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М.* Курс институциональной экономики. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. 426 с.
26. Курс институциональной экономики. Задачник к учебнику. В 4 ч. / А.А. Бальсевич, Е.А. Подколзина, М.М. Юдкевич и др. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009.
27. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Социология вещей / отв. ред. В. Вахштейн*. М. : Территория будущего, 2006. С. 342-266.
28. *Леонард Р.* Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 265-300.
29. *Леонтьев В.* Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // *США : экономика, политика, идеология*. 1972. № 9. С. 101-104.
30. *Майровски Ф.* Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10, № 1. С. 100-116.
31. *Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики. (Ч. 1) // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11, № 2. С. 82-93.
32. *Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики. (Ч. 2) // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11, № 3. С. 72-88.
33. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М. : Наука, 2000. 291 с.
34. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала (Гл. 1-12). М. : Терра, 2009. 512 с.
35. *Милль Дж.С.* Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей // *Философия экономики: антология / под ред. Д. Хаусмана*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 55-76.
36. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М. : ЭКСМО, 2007. 1040 с.
37. *Петти В.* Экономические и статистические работы. Т. 1. М. : Соцэкгиз, 1940. 324 с.
38. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : КомКнига 2005. 296 с.
39. *Резерфорд М.* Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10, № 2. С. 32-53.
40. *Резерфорд М.* Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10, № 4. С. 91-106.
41. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *THESIS*. 1993. Вып. 1. С. 10-23.

42. *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 256 с.
43. *Рубинштейн Ар.* Дилеммы экономиста-теоретика // *Вопр. экономики.* 2008. № 11. С. 62-80.
44. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М. : Наука, 1969. 250 с.
45. *Сакс Дж.* Цена цивилизации. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 350 с.
46. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1962. 684 с.
47. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997. 351 с.
48. *Сонин К.* SONIN.RU. Уроки экономики. М. : Альпина Бизнес Букс, 2011. 255 с.
49. *Тумилович М.* Формализм, экономическое образование и экономическая наука // *ЭКОВЕСТ.* 2003. Т. 3, № 1. С. 102-123.
50. *Тюрго А.Н.Ж.* Избранные экономические произведения. М. : Соцэкгиз, 1961. 172 с.
51. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. СПб. : Лениздат, 1996. 702 с.
52. *Улановский А.М.* «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / отв. ред. И.Т. Красавин.* М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. С. 279-298.
53. *Хайлбронер Р.Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М. : КоЛибри, 2008. 432 с.
54. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS.* 1993. Вып. 1. С. 41-55.
55. *Шмоллер Г.* К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus.* 2011. Т. 9, № 3. С. 31-49.
56. *Шнедельбах Г.* Университет Гумбольдта // *Логос.* 2002. № 5-6. С. 65-78.
57. *Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 416 с.
58. *Abdelal R.* Constructivism as an approach to international political economy // *Routledge Handbook of International Political Economy / ed M. Blyth.* London ; NY : Routledge, 2009. P. 62-76.
59. *Amadae S.M.* Rationalizing Capitalist Democracy. The Cold War Origins of Rational Choice Liberalism. Chicago : The Univ. of Chicago Press, 2003. 401 p.
60. *Bateman B.W.* Clearing the Ground: The Demise of the Social Gospel Movement and the Rise of Neoclassicism in American Economics // *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / eds. M.S. Morgan, M. Rutherford.* Durham; London : Duke University Press, 1998. P. 29-52.
61. *Blyth M.* Austerity: The History of a Dangerous Idea. NY : Oxford Univ. Press, 2013.
62. *Boisguilbert P.* Le Détail de la France. La cause de la diminution de ses biens, et la facilité du remède, en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin, et enrichissant tout le monde // *Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique.* Paris : INED. 1966. Vol. 2. P. 581-662.
63. *Burt E.A.* The Metaphysical Foundations of Modern Science. NY : Dover Publications, 2003. 244 p.
64. *Bush P.D.* The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // *Institutional Economics: Theory, Method, Policy / ed. M.R. Tool.* Boston ; Dordrecht ; London : Kluwer Academic Publisher, 1993. P. 59-118.
65. *Carlson M.J.* Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neoclassical Economics // *Journal of Economic Issues.* 1997. № 3. P. 741-760.
66. *Charle Ch., Verger J.* Histoire des universités. Paris : PUF, 2007. 128 p.
67. *Coats A.W.* The Sociology and Professionalization of Economics. *British and American Economic Essays.* Vol. 2. London ; NY : Routledge, 1993. 642 p.
68. *Commons J.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. NY : Macmillan, 1934. 911 p.
69. *Commons J.R.* Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison : The Univ. of Wisconsin Press, 1964. 201 p.

70. *Commons J.R.* The Economics of Collective Action. NY : The Macmillan Company, 1950. 414 p.
71. *Damasio A.* Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. NY : Penguin Books, 2005. 312 p.
72. *Davis Ph.J., Hersh R.* The Mathematical Experience. Boston : Birkhauser. 1981. 440 p.
73. *Davis Ph.J., Hersh R.* Descartes' Dream: The World According to Mathematics. London : Penguin Books, 1990. 352 p.
74. *Denis H.* Histoire de la pensée économique. Paris : Quadrige / PUF, 2008. 725 p.
75. *Dostaler G.* Les lois naturelles en économie. Émergence d'un débat // L'Homme et la société. 2008/4–2009/1. № 170-171. P. 71-92.
76. *Dumez H.* L'économiste, la science et le pouvoir : le cas Walras. Paris : PUF, 1985. 271 p.
77. *Düppe T.* Debreu's apologies for mathematical economics after 1983 // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2010. Vol. 3, Iss. 1, spring. P. 1-32.
78. *Faccarello G.* Aux origines de l'économie politique libérale : Pierre de Boisguilbert. Paris : Anthropos, 1986. 312 p.
79. *Faccarello G.* The foundations of laissez-faire: the economics of Pierre de Boisguilbert. London ; NY : Routledge, 1999. 208 p.
80. *Faccarello G., Steiner Ph.* The Diffusion of the Work of Adam Smith in the French Language: An Outline History // A Critical Bibliography of Adam Smith / ed. K. Tribe. London : Pickering and Chatto, 2002.
81. *Fourcade M.* Economists and Societies. Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2009. 386 p.
82. *Furner M.O.* Advocacy & Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science 1865–1905. Lexington, Kentucky : Univ. Press of Kentucky, 1975. 357 p.
83. *Galiani F.* Dialogues sur le commerce des blés. Paris : Fayard, 1984. 275 p.
84. *Hecht J.* La vie de Pierre le Pesant Seigneur de Boisguilbert // Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique. Paris : INED, 1966. Vol. 1. P. 121-244.
85. *Heilbroner R.* Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. NY ; London : W.W. Norton & Co, 1988. 207 p.
86. *Hodgson G.M.* Economics and Utopia. Why the learning economy is not the end of history. London ; NY : Routledge, 1999. 337 p.
87. *Hodgson G.M.* From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago ; London : The Chicago Univ. Press, 2013. 305 p.
88. *Hurtado J.* Jean-Jacques Rousseau : économie politique, philosophie économique et justice // Revue de philosophie économique. 2010. Vol. 11, № 2. P. 69-101.
89. *Keynes J.M.* Essays in Biography. NY : W.W. Norton & Company Inc., 1951. 354 p.
90. *Knorr C.K.* Epistemic Cultures: Forms of Reason in Science // History of Political Economy, 1991. Vol. 23. № 1. P. 105-122.
91. *Knorr C.K.* Epistemic Cultures. How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1999. 329 p.
92. *Latour B.* Pasteur : une science, un style, un siècle. Paris : Perrin, 1994. 191 p.
93. *Latour B.* Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory. NY : Oxford Univ. Press Inc., 2005. 312 p.
94. *Latour B., Lépinay V.A.* L'économie, science des intérêts passionnés. Introduction à l'anthropologie économique de Gabriel Tarde. Paris : La Découverte, 2008. 137 p.
95. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1986. 296 p.
96. *Mini P.* Cartesianism in Economics // The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics / eds. G.M. Hodgson, W.J. Samuels, M.R. Tool. Aldershot, UK : Edward Elgar, 1994. P. 38-42.
97. *Mirowski Ph.* More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. 450 p.
98. *Montchrestien A.* Traicté de l'œconomie politique. Genève : Librairie Droz, 1999. 452 p.

99. *Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. Univ. Park, PA : The Pennsylvania State Univ. Press, 2001. 392 p.
100. *Paley W.* Natural Theology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. 384 p.
101. *Paley W.* Principles of Moral and Political Philosophy. Indianapolis, IN : Liberty Fund, Inc., 2002. 481 p.
102. People and Society. Rom Harré and designing the social sciences / ed. Van Langenhove L. London ; NY : Routledge, 2010. 313 p.
103. *Pignol C.* Une critique de l'économie politique. Rousseau contre l'économie walrasienne // XIVème colloque de l'Association Charles Gide pour l'Histoire de la Pensée Economique. Nice. 7-9 juin. 2012.
104. *Pignol C., Hurtado J.* Rousseau Philosophie et économie // Cahiers d'économie politique. Paris : L'Harmattan, 2007. № 53.
105. *Quesnay F.* Observations sur le Droit naturel des hommes réunis en société // Journal de l'agriculture, du commerce & des finances. 1765. Sept. P. 4-35.
106. *Rasmussen D.* The Problems and Promise of Commercial Society : Adam Smith's Response to Rousseau. Univ. Park, PA : The Pennsylvania State Univ., 2008. 206 p.
107. *Ricœur P.* L'idéologie et l'utopie : deux expressions de l'imaginaire social // Autres Temps. Les cahiers du christianisme social. 1984. № 2. P. 53-64.
108. *Rubinstein A.* Economic Fables. Cambridge : Open Book Publishers, 2012. 264 p.
109. *Russell B.* Mysticism and Logic: And Other Essays. London : Longman, 1918. 234 p.
110. *Sage E.M.* A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th Century France. NY : Peter Lang Publishing, Inc., 2009. 170 p.
111. *Samuels W.J.* The Economy as a System of Power. Vols. 1-2. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1979.
112. *Schmoller G.* Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg : Metropolis-Verlag, 1998. 368 s.
113. *Selznick Ph.* The Communitarian Persuasion. Washington, D.C. : Woodrow Wilson Center Prfess, 2002. 165 p.
114. *Sigot N.* La réception de l'oeuvre économique de Cournot // Actualité de Cournot / ed. Martin Th. Paris : Vrin, 2005. P. 125-149.
115. *Sigot N.* Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century // European Journal of the History of Economic Thought. 2010. Vol. 17, № 4. C. 759-792.
116. *Sinclair N., Pimm D., Higginson W.* Mathematics And the Aesthetic: New Approaches to an Ancient Affinity. NY : Springer-Verlag, 2006. 288 p.
117. *Spector C.* Rousseau et la critique de l'économie politique // Rousseau et les sciences / ed. B. Bensaude-Vincent et B. Bernardi. Paris : L'Harmattan, 2003. P. 237-256.
118. *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Economy. London : Pickering & Chatto, 1998. 1560 p.
119. *Tarde G.* Psychologie économique. Vol. 2. Paris : Félix Alcan, 1902. 449 p.
120. The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective / eds. Ph. Mirowski, D. Plehwe. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2009. 469 p.
121. *Van Dyke R.H.* Boisguilbert, Economist of the Reign of Louis XIV. NY : Columbia University Press, 1935. 378 p.
122. *Waterman A.M.C.* Political Economy and Christian Theology since the Enlightenment. Essays in Intellectual History. NY : Palgrave Macmillan, 2004. 333 p.
123. *Weintraub E.R.* How Economics Became a Mathematical Science. Durham ; London : Duke Univ. Press, 2002. 328 p.
124. *Weintraub E.R., Mirowski P.* The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics // Science in Context. 1994. Vol. 7, № 2. P. 245-272.
125. *Wisman J.* The scope and goals of economic science. A Habermasian perspective // Economics and Hermeneutics / ed. Lavoie D. London ; NY : Routledge, 1990. P. 111-133.

Материал поступил в редколлегию 14.02.2014 г.

Vladimir M. Yefimov, doctor of economics, independent researcher. France.
E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

HOW CAPITALISM, UNIVERSITY AND MATHEMATICS SHAPED MAINSTREAM ECONOMICS

Abstract: The article is devoted to the history of formation of the mainstream economics. The author shows that business community played a decisive role in its formation, because was interested not in a scientific discipline, which would explore the economic reality, but in an economic discipline, which reflects an ideology favorable to this community. If by science one means the real (not imaginary) research practices adopted in the natural sciences, then in the history of economic thought one will find just few islands of science in the sea of philosophy, ideologies and utopias. Throughout the 20th century, the economics taught in universities performed exclusively ideological function of justifying and maintaining the existing social order: the Soviet order in the USSR and the market order in the West. After the fall of the Soviet order, Western aid projects in Russia were targeted to replace this order by the market one and to transform the economic education according to the Western model. This model involves not learning of the realities of market economy, but a market vision of social realities, which pictures all human relations as relations of exchange and buying-selling, and humans as seeking their self-interest with guile. The article shows how economics taught now in Russian universities was initially shaped in France, UK and the USA.

Keywords: Boisguilbert, Quesnay, Rousseau, Smith, Schmoller, Marshall Commons, Debré.

The transliteration of the list of literature (from the cirillic to the latin symbols) is submitted below

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. Avtonomov V., Anan'in O., Makasheva N. Istorija jekonomicheskikh uchenij / otv. red. N. Makasheva. M. : INFRA-M, 2008. 784 s.
2. Anikin A.V. Junost' nauki. Zhizn' i idei myslitelej-jekonomistov do Marksa. Izd. 2-e, dop. i pererab. M. : Politizdat, 1975. 384 s.
3. Arnol'd V.I. Matematicheskaja dujel' vokrug Burbaki // Vestn. Ros. akad. nauk. 2002. T. 72, № 3. S. 245-250.
4. Arnol'd V.I. Matematicheskie jepidemii HH veka – opasnost' dlja chelovechestva. 2000 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem (data obrashhenija: 12.01.2014).
5. Auzan A. Institucional'naja jekonomika dlja chajnikov. M. : Fjeshn Press, 2011. 127 s.
6. Bekker G. Izbrannye trudy po jekonomicheskoi teorii. Chelovecheskoe povedenie. Jekonomicheskij podhod. M. : Izdat. dom GU VShJe, 2003. 672 s.
7. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M. : Medium, 1995. 323 s.
8. Blaug M. 100 velikih jekonomistov do Kejnza. SPb. : Jekonomikus, 2009. 384 s.
9. Burbaki N. Teorija mnozhestv. M. : Mir, 1965. 456 s.
- 9a. Brennan Dzh., B'jukenen Dzh. Prichina pravil. Konstitucionnaja politicheskaja jekonomija. SPb. : Jekon. shk., 2005. 272 s.
10. Gamil'ton U.H. Institucional'nyj podhod k jekonomicheskoi teorii // Jekon. vestn. Rostov. gos. un-ta. 2007. T. 5, № 2. S. 110-117.
11. Girc K. Interpretacija kul'tur. M. : ROSSPJeN, 2004. 560 s.
12. Guriev S.M. Mify jekonomiki. Zabluzhdenija i stereotipy, kotorye rasprostranjajut SMI i politiki. M. : Junajted Press, 2011. 294 s.

13. *Guriev C.M.* Tri istochnika – tri sostavnye chasti jekonomicheskogo imperializma // ONS : Obshhestv. nauki i sovremennost'. 2008. № 3. С. 134-141.
14. *Dement'ev V.V.* Jekonomika kak sistema vlasti. Doneck : Druk-Infr, 2006. 404 s.
15. *Efimov V.M.* Diskursivnyj analiz v jekonomike: peresmotr metodologii i istorii jekonomicheskoy nauki. Ch. 1. Inaja metodologija jekonomicheskoy nauki // Jekon. sociologija. 2011. T. 12, № 3. S. 15-53.
16. *Efimov V.M.* Diskursivnyj analiz v jekonomike: peresmotr metodologii i istorii jekonomicheskoy nauki. Ch. 2. Inaja istorija i sovremennost' // Vopr. regulirovanija jekonomiki. 2011. T. 2, № 3. S. 8-91.
17. *Efimov V.M.* Ot mashin udovol'stviya k moral'nym soobshhestvam (Razmyshlenija nad novoj knigoj Dzheffri Hodzhsona) // Zhurnal institucion. issled. 2013. T. 5, № 2. S. 7-47.
18. *Efimov V.M.* Predmet i metod interpretativnoj institucional'noj jekonomiki // Vopr. jekonomiki. 2007. № 8. S. 49-67.
19. *Efimov V.M.* Russkaja agrarnaja institucional'naja sistema (istoriko-konstruktivistskij analiz) // Vopr. regulirovanija jekonomiki. 2010. № 3. S. 8-91.
20. *Efimov V.M.* Spor o metodah i institucional'naja jekonomika // Jekon. vestn. Rostov. gos. un-ta. 2007. T. 5, № 3. S. 18-36.
21. *Efimov V.M.* Jevoljucionnyj analiz russkoj agrarnoj institucional'noj sistemy // Mir Rossii. 2009. № 1. S. 74-116.
22. *Kejns Dzh.M.* Al'fred Marshall, 1842–1924 // A. Marshall. Principy jekonomicheskoy nauki. M. : Progress, 1993. T. 1. S. 5-55.
23. *Kommons Dzh.* Institucional'naja jekonomika // Terra Economicus. 2012. T. 10, № 3. S. 69-76.
24. *Kotenko V.P.* Istorija i filosofija klassicheskoj nauki. M. : Akad. Proekt, 2005. 473 s.
25. *Kuz'minov Ja.I., Bendukidze K.A., Judkevich M.M.* Kurs institucional'noj jekonomiki. M. : Izdat. dom GU VShJe, 2006. 426 s.
26. Kurs institucional'noj jekonomiki. Zadachnik k uchebniku. V 4 ch. / A.A. Bal'sevich, E.A. Podkolzina, M.M. Judkevich i dr. M. : Izdat. dom GU VShJe, 2009.
27. *Latur B.* Kogda veshhi dajut otpor: vozmozhnyj vklad «issledovaniy nauki» v obshhestvennye nauki // Sociologija veshhej / otv. red. V. Vahshejn. M. : Territorija budushhego, 2006. S. 342-266.
28. *Leonard R.* Cennost', znak i social'naja struktura: metafora «igry» i sovremennoe obshhestvoznanie // Istoki: iz opyta izuchenija jekonomiki kak struktury i kak processa. M. : Izdat. dom GU VShJe, 2006. S. 265-300.
29. *Leont'ev V.* Teoreticheskie dopushhenija i nenabljudaeemye fakty // SShA : jekonomika, politika, ideologija. 1972. № 9. S. 101-104.
30. *Majrovski F.* Fizika i «marzhinalistkaja revoljucija» // Terra Economicus. 2012. T. 10, № 1. S. 100-116.
31. *Majrovski F.* Filosofskie osnovanija institucionalistskoj jekonomiki. (Ch. 1) // Terra Economicus. 2013. T. 11, № 2. S. 82-93.
32. *Majrovski F.* Filosofskie osnovanija institucionalistskoj jekonomiki. (Ch. 2) // Terra Economicus. 2013. T. 11, № 3. S. 72-88.
33. *Mandevil' B.* Basnja o pchelah, ili Poroki chastnyh lic – blaga dlja obshhestva. M. : Nauka, 2000. 291 s.
34. *Marks K.* Kapital. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala (Gl. 1-12). M. : Terra, 2009. 512 s.
35. *Mill' Dzh.S.* Ob opredelenii predmeta politicheskoy jekonomii i o metode issledovaniya, svojstvennoj ej // Filosofija jekonomiki: antologija / pod red. D. Hausmana. M. : Izd-vo In-ta Gajdara, 2012. S. 55-76.
36. *Mill' Dzh.S.* Osnovy politicheskoy jekonomii s nekotorymi prilozhenijami k social'noj filosofii. M. : JeKSMO, 2007. 1040 s.
37. *Petti V.* Jekonomicheskie i statisticheskie raboty. T. 1. M. : Socjgiz, 1940. 324 s.
38. *Prigozhin I., Stengers I.* Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy. M. : KomKniga 2005. 296 s.

*Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали
магистральное направление экономической дисциплины*

39. *Rezerford M.* Viskonsinskij institucionalizm: Dzhon R. Kommons i ego studenty // *Terra Economicus*. 2012. T. 10, № 2. S. 32-53.
40. *Rezerford M.* Polevye, tajnye i vkljuchennye nabljudateli v amerikanskoj jekonomike truda: 1900–1930 gody // *Terra Economicus*. 2012. T. 10, № 4. S. 91-106.
41. *Robbins L.* Predmet jekonomicheskoj nauki // *THESIS*. 1993. Vyp. 1. S. 10-23.
42. *Rozanvallon P.* Utopicheskoj kapitalizm. Istorija idei rynka. M. : Novoe lit. obozrenie, 2007. 256 s.
43. *Rubinshtejn Ar.* Dilemmy jekonomista-teoretika // *Vopr. jekonomiki*. 2008. № 11. S. 62-80.
44. *Russo Zh.-Zh.* Traktaty. M. : Nauka, 1969. 250 s.
45. *Saks Dzh.* Cena civilizacii. M. : Izd-vo In-ta Gajdara, 2012. 350 s.
46. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M. : Socjkgiz, 1962. 684 s.
47. *Smit A.* Teorija npravstvennyh chuvstv. M. : Respublika, 1997. 351 s.
48. *Sonin K.* SONIN.RU. Uroki jekonomiki. M. : Al'pina Biznes Buks, 2011. 255 s.
49. *Tumilovich M.* Formalizm, jekonomicheskoe obrazovanie i jekonomicheskaja nauka // *JeKOVEST*. 2003. T. 3, № 1. S. 102-123.
50. *Tjurgo A.N.Zh.* Izbrannye jekonomicheskie proizvedenija. M. : Socjkgiz, 1961. 172 s.
51. *Uil'jamson O.I.* Jekonomicheskie instituty kapitalizma. SPb. : Lenizdat, 1996. 702 s.
52. *Ulanovskij A.M.* «Novaja paradigma» social'nyh nauk: linii razvitija sovremenogo konstruktivizma // *Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy / otv. red. I.T. Krasavin. M. : Kanon+ROOI «Reabilitacija», 2010. S. 279-298.*
53. *Hajlbroner R.L.* Filosofija ot mira sego. Velikie jekonomicheskie mysliteli: ih zhizn', jepoha i idei. M. : KoLibri, 2008. 432 s.
54. *Hajlbroner R.L.* Jekonomicheskaja teorija kak universal'naja nauka // *THESIS*. 1993. Vyp. 1. S. 41-55.
55. *Shmoller G.* K metodologii obshhestvenno-politicheskikh i social'nyh nauk // *Terra Economicus*. 2011. T. 9, № 3. S. 31-49.
56. *Shmedel'bah G.* Universitet Gumbol'dta // *Logos*. 2002. № 5-6. S. 65-78.
57. *Shumpeter J.* Desjat' velikih jekonomistov ot Marksa do Kejnsa. M. : Izd-vo In-ta Gajdara, 2011. 416 s.
58. *Abdelal R.* Constructivism as an approach to international political economy // *Routledge Handbook of International Political Economy / ed M. Blyth. London ; NY : Routledge, 2009. P. 62-76.*
59. *Amadae S.M.* Rationalizing Capitalist Democracy. The Cold War Orogins of Rational Choice Liberalism. Chicago : The Univ. of Chicago Press, 2003. 401 p.
60. *Bateman B.W.* Clearing the Ground: The Demise of the Social Gospel Movement and the Rise of Neoclassicism in American Economics // *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / eds. M.S. Morgan, M. Rutherford. Durham ; London : Duke University Press, 1998. P. 29-52.*
61. *Blyth M.* Austerity: The History of a Dangerous Idea. NY : Oxford Univ. Press, 2013.
62. *Boisguilbert P.* Le Détail de la France. La cause de la diminution de ses biens, et la facilité du remède, en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin, et enrichissant tout le monde // *Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique. Paris : INED. 1966. Vol. 2. P. 581-662.*
63. *Burt E.A.* The Metaphysical Foundations of Modern Science. NY : Dover Publications, 2003. 244 p.
64. *Bush P.D.* The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // *Institutional Economics: Theory, Method, Policy / ed. M.R. Tool. Boston ; Dordrecht ; London : Kluwer Academic Publisher, 1993. P. 59-118.*
65. *Carlson M.J.* Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neoclassical Economics // *Journal of Economic Issues*. 1997. № 3. P. 741-760.
66. *Charle Ch., Verger J.* Histoire des universités. Paris : PUF, 2007. 128 p.
67. *Coats A.W.* The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London ; NY : Routledge, 1993. 642 p.

68. *Commons J.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. NY : Macmillan, 1934. 911 p.
69. *Commons J.R.* Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison : The Univ. of Wisconsin Press, 1964. 201 p.
70. *Commons J.R.* The Economics of Collective Action. NY : The Macmillan Company, 1950. 414 p.
71. *Damasio A.* Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. NY : Penguin Books, 2005. 312 p.
72. *Davis Ph.J., Hersh R.* The Mathematical Experience. Boston : Birkhauser. 1981. 440 p.
73. *Davis Ph.J., Hersh R.* Descartes' Dream: The World According to Mathematics. London : Penguin Books, 1990. 352 p.
74. *Denis H.* Histoire de la pensée économique. Paris : Quadrige / PUF, 2008. 725 p.
75. *Dostaler G.* Les lois naturelles en économie. Émergence d'un débat // L'Homme et la société. 2008/4–2009/1. № 170-171. P. 71-92.
76. *Dumez H.* L'économiste, la science et le pouvoir : le cas Walras. Paris : PUF, 1985. 271 p.
77. *Düppe T.* Debreu's apologies for mathematical economics after 1983 // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2010. Vol. 3, iss. 1, spring. P. 1-32.
78. *Faccarello G.* Aux origines de l'économie politique libérale : Pierre de Boisguilbert. Paris : Anthropos, 1986. 312 p.
79. *Faccarello G.* The foundations of laissez-faire: the economics of Pierre de Boisguilbert. London ; NY : Routledge, 1999. 208 p.
80. *Faccarello G., Steiner Ph.* The Diffusion of the Work of Adam Smith in the French Language: An Outline History // A Critical Bibliography of Adam Smith / ed. K. Tribe. London : Pickering and Chatto, 2002.
81. *Fourcade M.* Economists and Societies. Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2009. 386 p.
82. *Furner M.O.* Advocacy & Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science 1865–1905. Lexington, Kentucky : Univ. Press of Kentucky, 1975. 357 p.
83. *Galiani F.* Dialogues sur le commerce des blés. Paris : Fayard, 1984. 275 p.
84. *Hecht J.* La vie de Pierre le Pesant Seigneur de Boisguilbert // Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique. Paris : INED, 1966. Vol. 1. P. 121-244.
85. *Heilbroner R.* Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. NY ; London : W.W. Norton & Co, 1988. 207 p.
86. *Hodgson G.M.* Economics and Utopia. Why the learning economy is not the end of history. London ; NY : Routledge, 1999. 337 p.
87. *Hodgson G.M.* From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago ; London : The Chicago Univ. Press, 2013. 305 p.
88. *Hurtado J.* Jean-Jacques Rousseau : économie politique, philosophie économique et justice // Revue de philosophie économique. 2010. Vol. 11, № 2. P. 69-101.
89. *Keynes J.M.* Essays in Biography. NY : W.W. Norton & Company Inc., 1951. 354 p.
90. *Knorr C.K.* Epistemic Cultures: Forms of Reason in Science // History of Political Economy, 1991. Vol. 23. № 1. P. 105-122.
91. *Knorr C.K.* Epistemic Cultures. How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1999. 329 p.
92. *Latour B.* Pasteur : une science, un style, un siècle. Paris : Perrin, 1994. 191 p.
93. *Latour B.* Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory. NY : Oxford Univ. Press Inc., 2005. 312 p.
94. *Latour B., Lépinay V.A.* L'économie, science des intérêts passionnés. Introduction à l'anthropologie économique de Gabriel Tarde. Paris : La Découverte, 2008. 137 p.
95. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1986. 296 p.
96. *Mini P.* Cartesianism in Economics // The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics / eds. G.M. Hodgson, W.J. Samuels, M.R. Tool. Aldershot, UK : Edward Elgar, 1994. P. 38-42.

*Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали
магистральное направление экономической дисциплины*

97. *Mirowski Ph.* More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. 450 p.
98. *Montchrestien A.* Traicté de l'œconomie politique. Genève : Librairie Droz, 1999. 452 p.
99. *Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. Univ. Park, PA : The Pennsylvania State Univ. Press, 2001. 392 p.
100. *Paley W.* Natural Theology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. 384 p.
101. *Paley W.* Principles of Moral and Political Philosophy. Indianapolis, IN : Liberty Fund, Inc., 2002. 481 p.
102. People and Society. Rom Harré and designing the social sciences / ed. Van Langenhove L. London ; NY : Routledge, 2010. 313 p.
103. *Pignol C.* Une critique de l'économie politique. Rousseau contre l'économie walrasienne // XIVème colloque de l'Association Charles Gide pour l'Histoire de la Pensée Economique. Nice. 7-9 juin. 2012.
104. *Pignol C., Hurtado J.* Rousseau Philosophie et économie // Cahiers d'économie politique. Paris : L'Harmattan, 2007. № 53.
105. *Quesnay F.* Observations sur le Droit naturel des hommes réunis en société // Journal de l'agriculture, du commerce & des finances. 1765. Sept. P. 4-35.
106. *Rasmussen D.* The Problems and Promise of Commercial Society : Adam Smith's Response to Rousseau. Univ. Park, PA : The Pennsylvania State Univ., 2008. 206 p.
107. *Ricœur P.* L'idéologie et l'utopie : deux expressions de l'imaginaire social // Autres Temps. Les cahiers du christianisme social. 1984. № 2. P. 53-64.
108. *Rubinstein A.* Economic Fables. Cambridge : Open Book Publishers, 2012. 264 p.
109. *Russell B.* Mysticism and Logic: And Other Essays. London : Longman, 1918. 234 p.
110. *Sage E.M.* A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th Century France. NY : Peter Lang Publishing, Inc., 2009. 170 p.
111. *Samuels W.J.* The Economy as a System of Power. Vols. 1-2. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1979.
112. *Schmoller G.* Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg : Metropolis-Verlag, 1998. 368 s.
113. *Selznick Ph.* The Communitarian Persuasion. Washington, D.C. : Woodrow Wilson Center Prfess, 2002. 165 p.
114. *Sigot N.* La réception de l'oeuvre économique de Cournot // Actualité de Cournot / ed. Martin Th. Paris : Vrin, 2005. P. 125-149.
115. *Sigot N.* Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century // European Journal of the History of Economic Thought. 2010. Vol. 17, № 4. C. 759-792.
116. *Sinclair N., Pimm D., Higginson W.* Mathematics And the Aesthetic: New Approaches to an Ancient Affinity. NY : Springer-Verlag, 2006. 288 p.
117. *Spector C.* Rousseau et la critique de l'économie politique // Rousseau et les sciences / ed. B. Bensaude-Vincent et B. Bernardi. Paris : L'Harmattan, 2003. P. 237-256.
118. *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Economy. London : Pickering & Chatto, 1998. 1560 p.
119. *Tarde G.* Psychologie économique. Vol. 2. Paris : Félix Alcan, 1902. 449 p.
120. The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective / eds. Ph. Mirowski, D. Plehwe. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2009. 469 p.
121. *Van Dyke R.H.* Boisguilbert, Economist of the Reign of Louis XIV. NY : Columbia University Press, 1935. 378 p.
122. *Waterman A.M.C.* Political Economy and Christian Theology since the Enlightenment. Essays in Intellectual History. NY : Palgrave Macmillan, 2004. 333 p.
123. *Weintraub E.R.* How Economics Became a Mathematical Science. Durham ; London : Duke Univ. Press, 2002. 328 p.
124. *Weintraub E.R., Mirowski P.* The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics // Science in Context. 1994. Vol. 7, № 2. P. 245-272.
125. *Wisman J.* The scope and goals of economic science. A Habermasian perspective // Economics and Hermeneutics / ed. D. Lavoie. London ; NY : Routledge, 1990. P. 111-133.